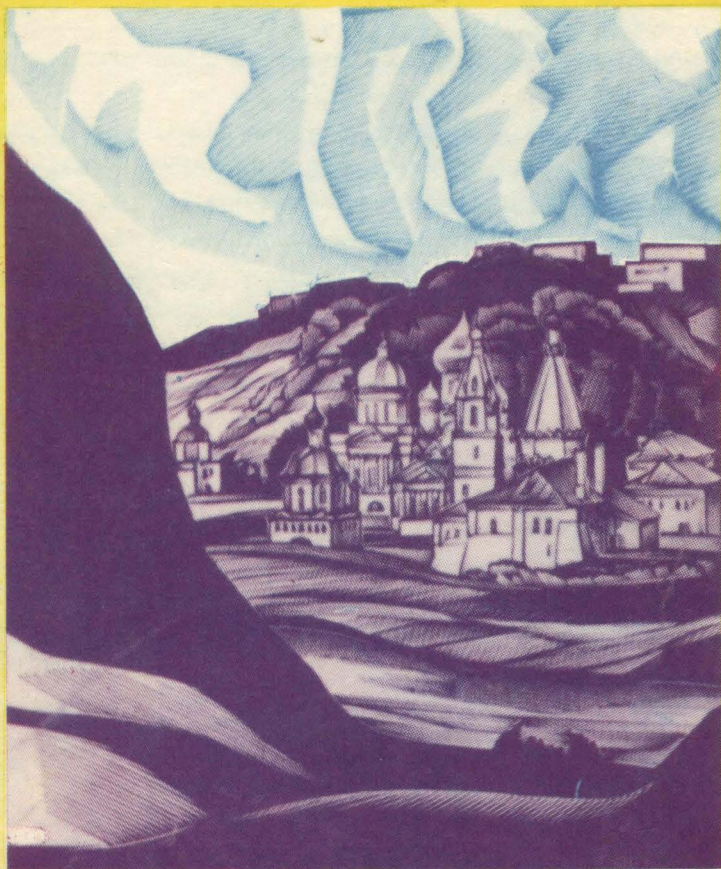

А.И. Күрлицын

*ДУМЫ
О
РОССИИ*

И книгу первую мою
на суд маэстрам отдаю,
Что лучше все поймет меня?
Ведь вы по духу мне родня.

Горький

0 11.21/10 6
K 93

Думы о России

*стихи поэта-шахтера
Александра Ивановича
Курицына*

254197-6

*г. Белово,
1995 г.*

МУ "ЦБС г. Белово"
ЦБ абонемент

2/10/1981

Handwritten signature

1981

THE UNIVERSITY OF
MICHIGAN LIBRARY

Шахтерский самородок

Нет, он не отрывал от учебника обложку для того, чтобы спрятать во время занятий понравившуюся книгу, как это делал Василий Шукшин, но Александру также не терпелось на уроке прочесть одну-две странички художественной литературы. Чтобы не попасть впросак, так сказать, краешком уха все равно слушал учителя. Пытливый и цепкий детский ум быстро схватывал главное в теме. Результат: учебный год заканчивал с хорошими отметками. После школы Саша Курицын мчался в одну из трех библиотек, где брал книги. Прочитывал их и перед вихрастым пацаном открывался иной мир, непохожий на тот, что его окружал. Этот мир скрывался за зеленым горизонтом таштагольской тайги, далекий и в тоже время близкий, потому что насыщен богатым русским языком. Пройдут годы и уважение Александра Ивановича Курицына к родному языку выльется в нижеследующие строки:

«Мы помним по словам Тургенева

Как был правдив, могуч, велик
Язык певцов, героев, гениев -
Народа русского язык.
В нем - музыкальность итальянского
И деловитость англичан,
В нем и величие испанского
И легкий юмор парижан...

/"Чужой язык"/

Александр читал фантастику, приключения, историческую литературу. До сих пор любит стихи Пушкина, Лермонтова, Есенина, Окуджавы, Рубальской, Высоцкого. Последнему певцу и поэту А.И. Курицын посвятил свои стихи, потому что Высоцкий:

«Не вел ... с эстрады пустой разговор,
Не лил понапрасну словесную воду,
Короткие фразы секли, как топор,
В мещанстве погрязшего строя колоду...»

/"Высоцкому"/

Как и у Высоцкого есть у Курицына две «песни» о лошадях, способных ценою своей жизни спасти человеческую жизнь от стаи вол-

ков, а, образно говоря, спасти Россию, называются они «Тройка».

- ... «Как мне надоел бесконечный туман
И бесцельная долгая гонка по кругу,
Разорвать бы скорей ненавистный аркан
И ... галопом к рассвету...»

/"Туман"/

Несмотря на такие, казалось бы отчаянные строки в стихотворении, «Туман» в целом лирическое произведение. Прочтешь его полностью и понимаешь, что его можно сделать музыкальным произведением, а почитайте «Радость», был бы композитор Мартынов жив, он обязательно написал музыку.

Надо заметить, голос у А.И. Курицына хорошо поставлен, не требует никакого сопровождения, аккомпанемента. По молодости лет, когда в Домах культуры работали хоровые кружки, Александр Иванович посещал два: русский и немецкий.

- Сто пятьдесят человек занимались хоровым пением, клуб буквально гудел. Ни одна его секция не пустовала - не без грусти вспоминает Курицын. К слову сказать, он был участником агитбригады, которая пользовалась у населения популярностью (особенно сельского, ведь там в основном живут открытые люди), выдуманные частушки и эпиграммы А.И. Курицына - тоже.

«Яблоко от яблони недалеко падает» (у него трое детей: два сына и дочь) - гласит народная мудрость, его сын Игорь весной 1995 года на смотре-фестивале, проходившем в ДК «Кузбассрадио», назван одним из лучших солистов (занимается в ДК «Угольщик»).

Как-то накануне праздника, мы попросили Александра Ивановича, зашедшего после смены на наш «Огонек», спеть, он не отказал.

«Скрывается солнце за степью...» - голос набирает силу, заполняет суровым звучанием наши души и невольно представляешь себе то, как по сибирскому тракту идут колодники. Так может петь человек, любящий песню и жизнь. Мы слушали, а его воображение высвечивало в памяти образ матери Татьяны Степановны. «Колодники» это и ее любимая песня, когда собирались все вместе (она, дети) пели ее с подголосками в сопровождении гитары, братья ведь гитаристы.

Мать уже ушла в царство теней, а отца своего Ивана Андреевича А.И. Курицын не помнит. Три года было ему тогда, когда в 1942 году глава семейства Курицыных погиб, защищая Родину от фашистских захватчиков, тело его покоится под Петербургом в местечке Невская Дубровка, имя высечено на обелиске. Так что осталось в памяти Александра только имя отца да внешнее сходство, а в жизни пригодился материнский оптимизм. И не сказать о нем отдельной строкой нельзя, как никак, семь голодных детских ртов досталось матери («в награду»). Выжили, «все положила: жизнь, здоровье, силу, тепло до срока выпланных глаз...», ходили за кедровыми шишками, ягодами, гри-

бами.

Не могу без волнения читать его стихотворение «Воспоминание о Дне Победы», где через образ матери А.И. Курицын передает читателю участь вдов, которые до самой смерти не изменяли материнскому долгу.

Благодаря своей мечтательной натуре, воспоминаниям о походах в ночное в детстве, желанию путешествовать, А.И. Курицын в начале трудового пути избрал профессию геолога.

«Ну что за чудо эти парни!

Еще не вытерт пот со лбов,

А руки тянутся к гитаре» - восклицает он в своих стихах. После окончания ГПШ работал старшим буровым рабочим в геолого-разведочной партии. А в 1959 году освоил профессию горняка, сначала на Бабанаконской шахте. Двадцать пять лет назад пришел на «Пионерку», трудился горным диспетчером шахтного транспорта, сегодня он - на "Западной".

Шахтерам он посвятил целый цикл своих стихотворений: «Шахтеры - замечательный народ», «Главное дело», «День шахтерской славы», «Стоит стать шахтером», «Смерть шахтера» и т.д. Цитировать не имеет смысла, так как само название подсказывает суть.

Но о чем бы А.И. Курицын не писал: о погоде или о природе (кстати, его любимое время года осень), всегда можно, простите за выражение, уловить в его стихах раздумья о России, тревогу за ее будущее:

«За крепкими засовами
Мы словно арестованы
Глядим на мир разнузданный
Сквозь дверной «волчок»

/"За железной дверью"/

или

«Мы за счастьем гнались
Мы торили дороги и тропы
Оказалось, вели нас не те,
Не туда и не так.
И стоим мы теперь
У порога богатой Европы
И униженно ждем:
Может, бросят нам в шляпу пятак»

/"Нищий"/

И в то же время гордится россиянами, спрашивает:

«Кто заграничной блохе
Присобачил на лапы подковы?
Чей талант изобрел паровоз?
Чей топор чудо-храмы построил?
Кто Гагарина в космос вознес?»

Ледяные просторы освоил?"

Он говорит и о возможной братской любви между народами в своих стихах, посвященные событиям в Осетии, Молдавии, Карабахе, Чечне. Как предупреждение звучат его слова:

«Вглядитесь в лица матерей
от горя черные,
Их сыновей и дочерей
склевали вороны.
Скажите, от чего они теперь свободные,
Когда пожарища кругом,
поля бесплодные.
Когда вражда среди людей,
все узы порваны,
Когда на трупах их детей
жируют вороны?»

/"Вороны"/

А.И. Курицын проверяет свои взгляды на существующую обстановку в регионах, опираясь на исторические события прошлых веков. В частности, в стихотворении «Последний бой» он напомнил вещи слова Георгия Саакадзе, Великого Моурави, человека-легенды, всю жизнь боровшегося за свободу Грузии, мечтавшего о братском союзе о Великой единой России.

Любит Александр Иванович свою родину, предан ей, находит для нее самые заветные слова: вода, **как чистый хрусталь**, в которой полощет косички ветла, капли с весла издают **малиновый** звон, лучи превращаются в **золотые потоки** («Калачевская заводь»), небеса утром сравнивает с **голубой вуалью** («Под песню колес») и т.д. Надо заметить, у автора стихов свой стиль написания, есть попытки разнообразить его, и они тоже удаются (читайте «Море», «Волки и охотники» и др.).

«Несмотря на то, что люблю путешествовать, очень трудно меняю место жительства, работы и ... привязанности», - признается А.И. Курицын.

«Бог создал свет, луну и звезды создал,
Природу создал, красоту любя,
Но не нужны мне ни луна, ни звезды,
Поскольку мне Господь послал тебя» -

эти слова найдены для супруги Галины Павловны. Вместе они пережили тяжелый, решающий их судьбу год. А.И. Курицыну сделали операцию на сердце, клапан заменили искусственным, жизнь висела, так сказать, на волоске, подпитывалась с помощью всевозмож-

ных трубочек, но он знал, что ему нужен и другой источник энергии - его Галя. Однажды, он даже готов был оборвать все эти трубки, лишь бы ему устроили свидание с женой. Достаточно было прикоснуться холодной рукой к ее горячей руке, взглянуть в глаза цвета неспелой смородины, чтобы почувствовать прилив сил, желание жить.

Александр Иванович благодарен судьбе за встречу и спасение кардиохирургу г. Кемерово Леониду Семеновичу Барбарашу. «Да разве только мне он дал вторую жизнь?... Он в каждого вложил часть сердца своего», - пишет Курицын специально для врача после выздоровления стихотворение.

Стихи. За время нашего сотрудничества на шахте «Пионерка» в многотиражной газете «За уголь» в течение семи лет их опубликовано более ста. Подготовлен к печати сборник стихов под названием «Думы о России». Надо заметить, что стихи А.И. Курицына, найдя путь к читателю через шахтовую газету, нередко печатались в многотиражках Кузбасса и КАТЭКа, газете «Труд» под рубрикой «Экономическое обозрение», Всероссийской газете работников угольной промышленности «На-гора!» (кстати, спецвыпуск этой газеты со стихотворением «По одному и кучкою идем мы за получкою» А.И. Курицына раздавался пикетчикам-шахтерам около Белого дома в Москве), заинтересовались его стихами редакция, солидного на мой взгляд, журнала «Уголь» (см. № 5, 1995 года). Есть его стихи в спецвыпуске народного журнала «Роман-газета -15». В начале марта текущего года в г. Новокузнецке состоялась встреча Александра Ивановича с писателем, депутатом Госдумы Гаррием Немченко, который пообещал Курицыну быть «новым другом» и сделал автограф на своей книге со следующими пожеланиями: «Пишите и пишите, это наверное очень надо нынче вам и нашей Родине России и нам всем», кроме того, взял стихи нашего земляка для спецвыпуска журнала «Роман-газета». Беловчане знают о творчестве Курицына со страниц «Беловского вестника», «Омикса», его стихи декламируют с местных сцен, даже по «Маяку» читали в День шахтера.

Остается добавить А.И. Курицыну 56 лет. Для чего он пишет? - спросите вы. Ответу строками его стихотворения «Что нужно человеку?».

«Как же мир от новых бед избавить?

Чтоб хоть память добрую оставить,

Средства только три на белом свете -

Совесь, труд и мир на всей планете!».

Думаю, весь этот скромный, но богатый жизненной энергией автор, сборник стихов дополнит мой рассказ!

Л. РЯБОВА.

ШАХТЕРСКИЙ АНДЕГРАУНД

(выборочный текст)

Огромная трагедия великой державы в том, что в крутом переломе ее истории купленные золотым тельцом народные «витии», живущие за границей, вне России выродились в жалких эстетов, кричащих на всех углах, что большая литература, большая правда только у них, и уж никак не на периферии, не в толще народной.

Увы, талантам из глубинки, так же как во времена Кольцова и Никитина, сегодня ходу в «большую» литературу нет: «Не о том поют, не то бают...» Вот и получается, что если раньше не было ходу андеграунду всевозможных эстетов и диссидентов, то сегодня андеграунду - рабочих масс.

Живет в городе Белово, работает на шахте «Пионерка» Александр Иванович Курицын. С 1958 года. Сначала проходчиком, затем - горным мастером, начальником участка. Сегодня он диспетчер подземных работ. Пишет стихи о Родине. О нас с вами. Пишет просто и страстно. Откуда в нем, рабочем человеке, познавшем трудную жизнь, суровое и голодное детство, выросшем в многодетной семье в Горной Шории, в Таштаголе, откуда в нем такое ощущение Родины, ее простора, ее величия, ее державности? Может, от девственной вековой тайги, красота которой сравнима разве что с красотами Швейцарии. Может, от строгой, но щедрой сердцем русской женщины - преподавателя литературы в местной школе - Санниковой Тамары Александровны; от множества книг, прочитанных в трех таштагольских библиотеках; от директора школы Федора Федоровича Чиспиякова - шорского писателя; от бесконечно доброй родной земли, от ее природы, от окружающих его людей: родных, близких, просто знакомых и незнакомых; от образа жизни, при котором паренек из таежного края смог получить образование, позволяющее заниматься ему литературой в самом высоком смысле ее. И этот пример в Кузбассе не единственный.

...Но возвратимся к творчеству Александра Курицына. Впервые начал печататься, откликнувшись на землетрясение в Армении, в Спитаке. Не мог не откликнуться. Для русского человека не откликнуться на чужую боль - это предать свою совесть. А для рабочего человека - это еще и чувство солидарности со своими братьями по труду, попавшими в беду.

И его стихи - это послание братьям, попавшим в беду в нынешней России. Это попытка помочь им разобраться в ситуации. Помочь не забыть свой русский язык, свои обычаи, свою Великую Победу, принесшую свободу от фашистской чумы не только Европе, но все-

му миру.

Александр никогда не состоял и не состоит ни в какой партии. Как и многие люди его поколения - он неверующий, точнее - не из тех, кто ходит в церковь и бьет там поклоны. Но его «Молитва за Россию» - это обращение к каждому из нас освободиться от равнодушия, заставить себя думать о будущем, о величии России, не дать ее унижить не только тем «закордонникам», кто зарится на наши недра и пространства, но и тем, «Чей козырь»... выиграл кон», тем «новым русским», которые почти уже уверовали в свою миссию «спасителей» России, обворовывая ее на каждом шагу...

Шахтерский андерграунд - полная противоположность сытенных и богатеньких «новых русских» и их прихлебателей, готовых на все ради денег и успеха.

Успех для Александра Курицына, Сергея Леонтьева и других представителей народной литературы - это быть понятыми и признанными своими собратьями и просто работающим рядом с ними честным человеком. Очень хотелось бы, чтобы они были понятны и приняты всеми россиянами-патриотами.

Но, может быть, мы поможем им?

АЛЬБЕРТ ЛЕНСКИЙ,
глава акционерного общества «Новокузнецк».

Дерево жизни моей

ЧТО НУЖНО ЧЕЛОВЕКУ?

Много ль в жизни человеку надо?
Солнце, чтоб дарило свет и радость,
Россыпь звезд, чтоб мысль в полет манила,
Землю, чтоб поила и кормила.
Вот и все.

Живите в мире, в братстве.
Нет же, кто-то бредит о богатстве.
Этот - душу сжег мечтой о славе,
Тот - сгубил себя в хмельной отраве.

Одного зовут вперед высоты,
Руки жадны до любой работы,
А другой, обиженный судьбою,
Вечно хнычет за чужой спиною,
Сильный вызверив глаза-бойницы,
Тянет щупальца к чужим границам.
Волчи стаи гангстеров маститых,
Держат в страхе слабых и забитых.
Давит землю груз военной стали,
Словно мертвый лес, ракеты встали,
И не в силах сбросить ношу эту,
Тяжело вращается планета.

Да, наш мир - не рай, гораздо хуже...
Люди, разве он таким нам нужен?
Что потомкам сможем мы оставить?
Только злобу, ложь, нужду и зависть?
Как же мир от новых бед избавить?
Чтоб хоть память добрую оставить?
Средства только три на белом свете -
Совесь, труд и мир на всей планете.

ЭКЗАМЕН

Над Кондомой ночная тишина,
Давно погас последний луч заката.
Компания - четыре пацана

Уху варили, возле переката.
Рассказывали сказки до зари,
Кричали в пихтаче ночные птицы,
Лениво кувыркались пескари
В прозрачных водах жиденькой ущицы.
Когда же солнце встало над рекой,
Тайга смолистым ветерком дохнула,
Сморило нас от благодати такой,
Дремота, словно омут, затянула.
У ног плескалась светлая река,
Казалось, все плывет перед глазами.
Лежал я и блаженствовал, пока
Не вспомнил: «Братцы! Нынче же экзамен!»
Я взвился, как от доброго пинка,
Мою дремоту будто сдуло ветром:
- Мне не успеть, почти наверняка,
До школы добрых десять километров,
А времени в запасе - только час!
Я стартовал, как стайер на «десятку»,
Понятно не в кроссовках «Адидас»,
А, шлепая по камню голой пяткой.
Я лихо мчался берегом реки,
Стараясь не ступить на острый камень,
В испуге разлетались кулики,
И все же я успел на тот экзамен!
Ворвался в класс в замызганных штанах,
На пол-штанины свежая прореха...
Сначала наступила тишина.
И тут же все попадали от смеха.
Учитель, успокоившись, спросил:
- Ты что же, чудом вырвался из свалки?
Иль леший глину на тебе месил?
- Нет, просто я спешил с ночной рыбалки.
Иду вдоль карт с указкою в руках
И шар земной плывет перед глазами.
Пусть босиком и в порванных штанах,
Я все таки успел и сдал экзамен!

ПОЕЗД

Весенним водам вслед опять умчалось лето.
А музыку дождей оборвала зима.
Мне скоро пятьдесят и, как ни грустно это,
Полвека позади, а впереди - туман.
Возможно, жил не так, не вундеркинды дети,

Был прав или не прав - ведь это как смотреть.
Полвека позади... как прожил годы эти?
А прожил, как сумел, о чем теперь жалеть?
Работал, как умел, от трудностей не бегал,
А если в прошлое поглубже заглянуть...
Я вдоволь кислого и горького отведал
Лишь сладкого тогда не довелось хлебнуть.
Полвека мчит меня по жизни скорый поезд,
Считает стыки лет грохочущая сталь,
Полвека позади, но не сбавляя скорость,
Уносит он меня в неведомую даль.
В обшарпанных купе расшатанных вагонов,
Устав от перемен, попутчики ворчат.
Но где-то впереди маячит свет зеленый,
Мы гонимся за ним, нам нет пути назад.
За талою водой опять умчалось лето
И музыку дождей порой бывает жаль...
Мне скоро пятьдесят, но позабыв об этом,
Со всеми вместе мчусь в неведомую даль.
Издергали состав крутые повороты.
Уже в который раз сменился экипаж.
И новый машинист прибавив обороты
Бросает эшелон в немыслимый вираж.
И снова впереди горит маяк зеленый,
Стремительная сталь считает стыки лет...
Мы сменим по пути отжившие вагоны,
Лишь только б экипаж не вел на красный свет.

ЛЕОНИДУ СЕМЕНОВИЧУ

БАРБАРАШУ

(кардиохирургу)

Она подобралась не сразу и не вдруг,
Та боль, что отняла былую силу рук.
Она когтистой лапой мою терзала грудь,
А смерть, грозя косою, мне заступала путь.
Как страшно в сорок лет заканчивать свой век,
Мне повезло, что есть упрямый человек,
Сказавший смерти «нет», не давший ей пройти,
Поставивший заслон на роковом пути.
Он спас мне жизнь. Я жив. Я кланяюсь ему!
За то, что я не стал обузой никому,
За то, что стороной смерть обошла мой дом,
За то, что я здоров, живу своим трудом.

Да разве только мне он дал вторую жизнь?
Теперь нас много тех, что дважды родились,
Он в каждого вложил часть сердца своего,
И каждый был готов молиться на него.
Но как он страшен был, как в ярости белел.
Коль настигала смерть больного на столе.
Когда глаза юнца вдруг застлала ночь,
А он, хирург, ему не успевал помочь.
Он уходил один, до полночи курил,
Хоть не был виноват, но лишь себя корил,
А утром, как всегда, спокойный, волевой,
Он шел вершить свой труд, со смертью шел на бой.
Я знаю, в этот час он вновь идет на бой
И, значит, кто-то вновь увидит над собой
Спокойное лицо и седину висков,
И добрые глаза за стеклами очков.

БЕГУТ ПОЕЗДА

Бегут поезда
Туда и сюда.
На север, на юг, на восток
Лишь где-то в ночи
Прощально кричит
Локомотивный гудок.
Средь темных равнин
Мерцают огни,
Пронзая густую тень.
И дразнят они
И манят они
Туда, где рождается день.
А где-то за той
Незримой чертой,
На самом краю бытия
Рассыпалась гроздь
Мерцающих звезд.
И есть между ними моя.
Возможно, она
Не многим видна,
Не многим близка и ясна,
Но я буду рад,
Если хоть раз
Кого-то согреет она.

В ГОСТЯХ У МАТЕРИ

Пологий пригорок над речкою звонкой.
Прорезан распадком, как острым ножом.
Над краем распадка нависла избенка.
К калитке тропиночка вьется ужом.
За долгую жизнь обветшала избушка,
Осела, подперлась пихтовым столбом.
Она, как старушка с тяжелою клюшкой,
Устало согнулась под крышей - горбом.
Здесь, в комнатке, под потемневшей иконкой.
Присев на скамеечку возле стола,
Покрытого клетчатой синей клеенкой,
Меня моя матушка в гости ждала.
А я приезжал к ней почти каждым летом.
Взбегал по тропинке, в окошко стучал
И простеньким, с детства знакомым куплетом
Тихонько на мамин вопрос отвечал.
Она узнавала и с радостным смехом
Поспешно гремела железом крючка,
Шептала растроганно: «Саша приехал»,
Слезу утирала концами платка.
Потом, как положено, в баньку с дороги.
До одури парился, а вечером
Сидели на лавочке, вытянув ноги,
И тешили душу горячим чайком.
Смолкали в ветвях хлопотливые птахи,
Над спящей тайгою всплывала луна.
Вползала прохлада за ворот рубахи
На цыпочках шла по земле тишина.
Тонули во тьме суета и тревоги
Хотелось по звездам о счастье гадать.
Со звездного неба по млечной дороге
Спустились спокойствие и благодать.
Прошло много лет. Ни избушки, ни мамы
Не стало давно, но всегда с этих пор
Печаль мне глаза застилает слезами,
Когда проезжаю пустой косогор.

СТАРИННАЯ ПЕСНЯ

Сверчок распевает за печкой
Зима. Все вокруг замело.
Метель разгулявшись над речкой,
Швыряет снежинки в стекло.

Окошко за тюлевой шторкой,
И печка исходит теплом,
И стол под льняною скатеркой.
Родня собралась за столом.
За рюмкой вели разговоры.
О том, что на сердце лежит,
Что все мы состаримся скоро,
Что время так быстро бежит...
И как-то все враз замолчали,
Задумались, всяк о своем.
Что ж, братцы, мы вдруг заскучали?
Давайте-ка лучше споем.
Любимую мамину песню,
Печальную старую быль:
«Скрывается солнце за степью,
Вдали золотится ковыль».
Запели негромко и стройно,
Мелодия льется, как стон,
Как-будто под степью раздольной
Кандальный разносится звон.
Запели. И кажется с нами,
Ожив средь родимых сердец,
Выводят мелодию мама,
И павший на фронте отец.
И будто-бы крыльями машет,
Прозрачным покровом шурша,
Не души отдельные наши,
А общая наша душа.
И уж не тайга за снегами,
Не белая горная цепь,
А пыль под босыми ногами
И знойная голая степь.
Бредем мы ковыльною степью,
Пустынно и голо окрест.
Мы скованы общею цепью.
Она наша память и крест.
Сумеет ли мы до могилы
Достойно свой крест донести,
Держаться, покуда есть силы
И помнить отставших в пути.
Пока же мы живы и вместе
По-братски сидим за столом.
И льется старинная песня,
Печальный рассказ о былом.
Исполненный грусти и боли,

Правдивый, как божеский суд.
День прожит: он меркнет все боле.
А цепи дорогу "метут".

ВНУКИ

Когда мне хворь поставила подножку,
Давая шанс досрочно умереть,
Я так хотел пожить еще немножко,
Чтоб, хоть глазком, на внука посмотреть.
И отступила подлая хвороба,
Я увернулся от ее клыков.
И, вот смотрю, и не одним, а в оба
На трех моих чудесных мужичков.
Старшой, Максимка, здоровяк чернявый,
Огромные ресницы и глаза.
Дениска - тонкий, озорной кудрявый,
Веселый, шустрый, словно Егоза.
А младший - Пашка. Серые глазищи.
Распахнутые в мир, как два окна,
Надеюсь на внучат: они отыщут,
Откроют то, что недоступно нам.
Порою ласковы они, порою вздорны,
Порой ругаю их, порой хвалю.
Все это мелочи и лишь одно бесспорно -
Я их до бесконечности люблю.
Порой, бывает ходишь злой, как бука,
Но вдруг сверкнет как светлячок во мгле,
Смешная фраза, сказанная внуком,
И снова все прекрасно на земле.
По вечерам рассказываю сказки.
Бывает, сочиняю на заказ
Про красный мотоцикл без коляски,
Дениску, маму, папу и «КаМАЗ».
Гляжу на внуков и от счастья таю.
В них все, о чем я только мог мечтать,
Но, поразмыслив, все-таки считаю,
Уж, чтобы до конца счастливым стать,
Я должен обратиться с просьбой к детям,
Чтобы слегка заначки потрясли
И в пику всем инфляциям на свете
На радость деду внучку завели.

МОЯ ТЕЩА

Один воспеваает красоты ручья,

Журчащего в сказочной роще,
Другой посвящает стихи соловьям
А я посвящу - своей теще.
Кто вынынчил троицу крепких внучат,
Стараясь, чтоб нам было проще?
Кто мог нам любые ошибки прощать?
Она, несравненная теща!
Живем мы с супругой, друг друга любя,
Но, если гроза назревает,
То теща моя, не жалея себя,
Огонь на себя вызывает.
Вы можете верить, а можете - нет,
Что, мол, не бывает такого:
За тридцать два года она обо мне
Худого не молвила слова.
И все эти годы она, как могла,
И всем, чем могла, помогала,
По сути, второю мне мамой была,
Теперь уж единственной стала.
И если бы даже я Пушкиным был,
С его поэтической мощью,
Я б весь свой талант без остатка вложил
В одну лишь поэму о Теще.
А нынче у тещи моей юбилей.
Да, время уходит упрямо.
Сегодня в День Ангела Тещи моей,
Скажу ей: «Будь счастлива, мама!
Будь счастлива, мама. Не надо тужить!
Да, жизнь коротка и сурова.
Но ты постарайся подольше пожить.
И будь непременно здорова!».

ДЕРЕВО ЖИЗНИ МОЕЙ

Ветер осенние листья уносит,
Рвет с полуголых ветвей.
Только живет и еще плодоносит
Дерево жизни моей.
Если ж судьба мне готовит сюрпризы,
Или пророчит беду,
Если придется идти по карнизу,
Страх пересилю. Пойду.
Если уж мне Провиденье судило
Зыбкий нехоженный путь,

МУ ЦБС г. Белово

ЦБ абонемента

9-76175-6

Дай мне, Господь, и терпенье и силы
Выдержать и не свернуть.
Не затеряться на жизненном поле,
Хоть на мгновенье сверкнуть.
Может в душе извиваться от боли,
Только спины не согнуть.
Будь мне судьей справедливым и строгим.
Если ошибся, прости,
Но помоги, не сбиваясь с дороги,
Честно свой крест донести.
И не продать свою честь за услугу,
И не уйти без следа,
Чтобы в глаза, как врагу, так и другу,
Мог я смотреть без стыда.
Пусть тогда ветер осенний унесит
Лист с полуголых ветвей.
Я не исчезну, пока плодоносит
Дерево жизни моей.

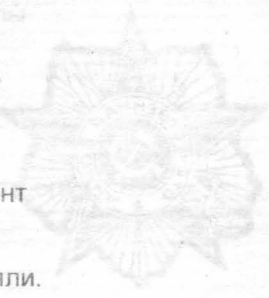
Простите нас...

ПОБЕДНАЯ ВЕСНА

Веселой птицей над землей взметнулась,
Природу разбудила ото сна.
И яблоневым цветом улыбнулась
Зеленая красавица - весна.
И вспомнилось, как в грозном сорок пятом
От дыма крематориев черна,
Оплакивая жертвы и утраты,
Спешила к нам Победная весна.
Как наши братья и отцы вставали,
Вдевали деды ноги в стремяна,
И жизнь без колебаний отдавали,
Чтобы пришла Победная весна.
Как женщины на тыловых работах,
Голодные, без отдыха и сна,
Работали до кровавого пота,
Чтобы пришла Победная весна.
И узники, что в лагерях томилась,
Изведав муки адские до дна,
У края рва могильного молились,
Чтобы пришла Победная весна.
И все-таки Победу мы добыли,
Напившись крови, кончилась война,
Ах, только б никогда мы не забыли
Какой ценой досталась та Весна!

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЕВГЕНИЯ НИКОНОВА

В бою под Таллином схватили моряка.
Пытали зверски, били, истязали.
Не вышло из матроса «языка»,
Тогда его канатом привязали

К древесному стволу и разожгли
Под ним костер и на краю откоса
Живьем, как инквизиторы, сожгли
Геройского российского матроса.
А ночью люди, улучив момент,
Останки моряка похоронили.
Потом над ним воздвигли монумент
И много лет заботливо хранили.
Спустя полвека после той войны,
Здесь снова «наци» головы подняли.
В бессильной злобе дети Сатаны
Могилу моряка с землей сравняли.
Тянулись корни зла издавека.
Преимственности график не нарушен -
- Отцы убили тело моряка -
Потомки злобно растоптали душу.
Не к ним, не к профашистским дикарям
С повадками прожорливой гиены,
Я обращаюсь к эстонским матерям,
Свидетельницам этой гнусной сцены:
- Вы разве не теряли сыновей?
Они, к несчастью, гибнут и поныне,
Причем, не только на земле своей,
Случается порой и на чужбине.
А в мире все плодятся подлецы,
Они, как волки, серы, где б не жили.
Гуляет по земле во все концы
Волна убийств, погромов и насилий.
И вам не страшно было бы узнать,
Что где-то в развороченной могиле
Лежат останки вашего дитя,
Которого под сердцем вы носили?
Так почему ж вы не смогли отнять
Матросскую могилу у вандалов?
А сердце старой матери опять
Застонет от предательских ударов.
И, вот, теперь домой, к родной земле
Идет по Волге «минный заградитель».
В последний рейс плывет на корабле
Убитый дважды воин-победитель.
«Прими матроса, мать-сыра земля,
Но пусть в сердцах грядущих поколений
И в имени стального корабля
Не умирает Никонов Евгений».

ПОДВИГ МОЛЧАНИЯ

Громадный утес стережет перевал
Нет здесь другого пути,
Но хлещет с утеса огненный шквал
И не дает пройти.
Сколько бойцов, что пытались достать
Фашистов, засевших на нем,
На каменистой тропинке лежат
Сраженные вражьем огнем.
До бесконечности тянется день,
Злости, бессилия, мук,
«Садят» фашисты в каждую тень,
Стреляют на каждый звук.
Долго ощупывал взглядом комбат
Осточертевший утес.
Ночью собрал самых ловких солдат
И медленно произнес:
- Братцы. Я вам приказать не могу.
Нужны добровольцы мне,
Чтобы во тьме подобраться к врагу
По этой отвесной стене.
Спросите себя и ответьте, орлы:
Кто сможет не закричать,
Сорвавшись со стометровой скалы,
В пропасть лететь, но молчать?
Никто из парней, конечно, не знал
Как он сегодня умрет.
Хмурый комбат терпеливо ждал,
И парни шагнули вперед.
Утес поглотила крошечная мгла
И, растворяясь во мгле,
Метр за метром группа ползла
Вверх по отвесной скале.
Пальцы впивались в гранитную твердь
До крови из-под ногтей.
Рядом ползла молчаливая смерть,
Труднейшая из смертей.
Замерли все, когда первый упал.
Тела приросли к скале.
Молча он рухнул в бездонный провал.
Навеки прильнув к земле.
Каждый подумал: - Спасибо, герой.
Выдюжил. Не закричал...
Молча разбился о камни второй,

Третий. Он тоже молчал.
Боль за друзей нестерпимой была,
В пепел сжигала сердца.
Ярость теперь их вперед гнала,
Только вперед. До конца.
Боль эту каждый с собою понес,
Губы кусая в кровь.
Солоно было от крови и слез,
Но тем страшней для врагов.
Все. Добрались. «Обнажили ножи,
Изготовясь к броску...
«Фриц» задремавший за камнем лежит.
Полощется флага лоскут.
К камню, где сонный охранник лежал,
Тенью метнулся комбат.
Тускло свернув, опустился кинжал.
Вздрыгнув, затих солдат.
Тени бесшумно скользили во мгле.
Снят пулеметный расчет.
Всем, кто готовил им смерть на скале,
Предъявлен кровавый счет.
Бились вслепую. Не видно ни зги.
Когда проглянула луна,
Все полегли под ножами враги,
За все заплатили сполна.
Павших друзей погребли на заре.
Под сенью печальных берез.
Молча стояли в прощальном каре,
Не вытирая слез.
Ночь подменила веселых парней.
На лицах их скорби печать,
Словно теперь, до последних дней
Им суждено молчать.

ДВЕ ВЕСТИ

Как во поле чистом
Через сто дорог
Вольный ветер мчится
В дальний хуторок.
Там, в убогой хатке
Долго ждет вестей
Бедная солдатка
С кучею детей.
Мчится вольный ветер,

Клонит лебеду
И несет две вести -
Радость и беду.
В первой он поведал,
Что пришла весна,
Что большой победой
Кончилась война.
Что молчат орудья,
Что жива земля,
Что выходят люди
С плугом на поля...
Весточка вторая
Ноченьки черней.
Ветер уж не знает
Как сказать о ней.
Что на поле бранном
Есть большой курган.
Спит под тем курганом
Мертвым сном Иван.
Грянулась Татьяна
Оземь чуть жива.
Женушка Ивана -
Горькая вдова.
С той поры Татьяна
Будто не жила.
Все ждала Ивана.
Так и померла.
Полвека минуло
Как окончен бой.
Раны-затянуло,
Притупилась боль.
Но в дожди - туманы.
В память о войне.
Стонут ветераны,
Мечутся во сне.
А в мае, когда краски
Выплёснет салют,
На могилах братских
Вдовы слезы льют.

СКОРБЬ

посвящается зятю М.Г. Ложкову

Вчера с Алтая весть пришла:
В родне еще одна утрата.

Безжалостная смерть нашла
Убила старого солдата.
Ушел еще один герой,
Уснул, глаза сомкнув устало.
Усталость, говорят, порой
Бывает даже у металла.
А ты прошел через войну,
Сквозь дым и грохот канонады,
Вернулся, отстояв страну,
Принес и шрамы и награды.
Но ты об этом не кричал,
Прошений не писал, не клянчил
И в грудь с надрывом не стучал,
Обиды не копил, не нянчил.
Ты просто жил среди людей,
Пока могли работать руки,
Работал. Вырастил детей,
Росли на радость деду внуки.
Мне очень горько сознавать,
Что я уж больше не увижу
И не смогу потолковать
С тобой, Гаврилыч, зять мой рыжий.
И не услышать больше мне
Твоих жестоких, без прикрасок
Рассказов о былой войне,
Или охотничьих побасок;
Не ночевать у костерка,
Слепив из лапника шалашик
И не поесть из котелка
Пропахшей дымом пшенной каши.
И горько и обидно мне,
Что вас, погибших и умерших,
Но выстоявших в той войне,
Все больше, а живых все меньше.
Вдвойне обиднее, что вас,
Испивших лиха полной чашей,
Не забывают в горький час
Порою лишь родные ваши.

ВОСПОМИНАНИЯ О ДНЕ ПОБЕДЫ

Я помню тот великий день страны,
Он до сих пор стоит перед глазами,
Соседи возвращаются с войны,
А мать рыдает горькими слезами.

Мне было три, когда отец связист,
Исполнив долг, погиб под Ленинградом,
Остался маме похоронный лист,
Да семь голодных детских ртов в награду.
Как выжили, не стоит вспоминать,
Как зайцы ели корешки да травы,
И из последних сил тянулась мать,
Чтоб накормить голодную ораву.
Однажды, сквозь мороз и темноту
С работы шла, но подкосились ноги
И, ощущая в легких пустоту,
Упала в снег лицом на край дороги.
Тот вечер стал бы роковым для нас,
Но видно было так угодно Богу,
Сосед китаец мать от смерти спас,
Принес ее к родимому порогу.
Решив, что все, что подступает край,
Она шептала нам: «Простите дети»,
Мы плакали навзрыд: «Не умирай,
Не оставляй одних на этом свете».
Испуганные, жалкие, гурьбой
Всю ночь сидели у ее постели
И горькими слезами и мольбой
Ее у смерти отmolить хотели.
Мать выжила и выходила нас,
Не жалуясь, тяжелый воз тащила,
Лишь ярче становилась седина,
Да с каждым годом множились морщины.
И вот пришла победная весна,
Слезами и улыбками сверкнула.
Солдат домой отправила она,
А нам отца-кормильца не вернула.
А нам и дальше голод, нищета,
Землянка, коммунальная квартира,
Простуженных суставов ломота
И «сервис» коллективного сортира.
И все же мама вырастила нас.
Все положила: жизнь, здоровье, силу,
Тепло до срока выплаканных глаз,
И тихо, как жила, сошла в могилу.
А жизнь идет, а годы чередой,
Стремительные, как в калейдоскопе,
Еще не жил почти, а уж седой
И подустал на жизненном галопе.
Но каждый год, когда приходит май,

Тот первый день встает перед глазами.
Бушует праздничная кутерьма
И плачет мама вдовьими слезами.

ОДИНОКАЯ БЕРЕЗА

Под ветром клонится береза,
Повисли ветви до земли.
И капли листьев, будто слезы,
Из глаз зеленых потекли.
Грустит береза, вспоминая
Подруг веселый хоровод.
Нет, и ветер, пролетая,
Шум их листвы не донесет.
Рвались над рощею снаряды
И рвали в клочья тишину.
Березы гибли ряд за рядом,
Смерть пощадила лишь одну.
Могильный холмик у березы
В тени свисающих ветвей.
Здесь матери роняют слезы
Над прахом павших сыновей.
Но жизнь идет. Земля с годами
Свой прежний облик обретет.
И кровь, пролитая слезами,
Зеленой рощей прорастет.

РУССКИЙ СОЛДАТ

Когда война в наш дом пришла,
Простившись, он шагнул с порога
И закурила, понесла
Его военная дорога.
Он четверо сапог сносил,
Пока управился с врагами
Четыре года грязь месил
До крови сбитыми ногами.
И пусть героем он не стал,
Но он в бою всегда был рядом,
И танк снарядом не достал,
А только подносил снаряды.
Пусть не ходил через посты
За «языками» спозаранку,
А просто наводил мосты
И под огнем крутил баранку.
Но, где бы он не бедовал,

(Горел в огне, тонул в болоте)
Свою Победу он ковал
В тяжелой воинской работе.
Без передышки под огнем
От копоти и горя черный,
Он шел к Победе день за днем,
Неторопливый, но упорный.
Он не отдал врагу страны,
В аду остался человеком
И дал возможность без войны
Стране прожить почти полвека.
) За то, что выстоял в борьбе
И вырвал жало супостату,
Я низко кланяюсь тебе,
Простому русскому солдату.
Тому, кто до конца прошел
И на Рейхстаге расписался,
Как и тому, кто не дошел,
Но вечно в памяти остался.)

«ПРИНЦИП ЛОЙОЛЫ»

Его не пронзили ни штык, ни кинжал
И пули его не скосили.
Он бросил окоп и к фашистам сбежал,
Продав и друзей и Россию.
За жирный кусок из хозяйской руки
С какой-то звериной жаждой
Он вешал, он резал, он рвал на куски,
Стрелял в своих бывших сограждан.
Полвека спустя и эфир и печать,
С изрядною долей цинизма,
Решили предателя величать
Героем, врагом сталинизма.
Но разве со Сталиным он воевал?
С тузами партийного клана?
Предатель свинцовым дождем поливал
Простого солдата Ивана.
Не ради каких-то великих идей
Во власти хмельного угара
В Хатыни он жег стариков и детей,
Стрелял в них у Бабьего Яра.
И вот новоявленные господа
По совести или приказу,
Стараясь предательство оправдать,

Подводят идейную базу.
Плевать, что насильовал и убивал,
Что стал оголтелым фашистом,
Не важно, что против своих воевал,
Зато он не стал сталинистом.
Когда ж вы успели пройти, господа,
Иезуитские школы?
Ведь вы же стараетесь оправдать
Чудовищный принцип Лойолы.
Не вам ли сторонник костров и петель
Свой принцип оставил в наследство?
Способна ли ваша заветная цель
Оправдывать грязные средства?

ВЕТЕР

Бушует ветер яростный, шальной,
Сорвавшийся неведомо откуда.
Скрипят стволы деревьев за стеной,
На полках жалобно звенит посуда.
Стучит ветвями стылых тополей,
Как пальцами ожившего скелета,
То волком воет средь пустых полей,
То, вдруг, смолкает, будто ждет ответа.
И не понять: рыдает иль поет?
О чем кричит? О чем напоминает?
Кого он в неизвестное зовет?
А, может, он и сам того не знает?
И от того беснуется в ночи
И мечется, круша стволы и ветки,
И в безысходной ярости рычит,
Как дикий зверь в тисках железной клетки.
А, может, то не ветер за стеной,
Примчавшийся на Русь из дальней дали,
А души павших плачут над страной,
За жизнь которой жизнь они отдали.

ПОЩЕЧИНА

На арбатском толчке продают ордена,
Продают боевые медали.
Знают люди, что все продается у нас,
Но такого еще не видали.
Продается солдатская Доблесть и Честь,
Память наших прославленных предков,
Все, что в душах святого и светлого есть,

За кусок заграничных объедков.
На Арбате жлобы продают ордена,
Продают боевые медали,
И никто почему-то не хочет узнать
Как святыни на рынок попали.
Как покрытые славой герои войны
Сразу после развала Союза
Стали новой России совсем не нужны,
Стали вдруг для России обузой.
Им, отдавшим за Родину силы и кровь,
«По заслугам» потомки воздали:
Постаревших, израненных шайкам воров,
Как волкам, на съеденье отдали.
Вот откуда на рынках медальный поток,
Пред которым законы бессильны.
Этот бизнес позорный для нас, как плевок,
Как пощечина чести России.
Мы уже, не краснея, способны прочесть
На страницах германской газеты
Прейскуранты на русскую Доблесть и Честь.
Мы достойны пощечины этой.
Мы растроганно млеем, когда нам поют
О терзаньях господ офицеров.
А в России жлобы ордена продают
На толкучках, под окнами мэров.

ПРОСТИТЕ НАС

Полвека как окончилась война.
О, сколько жизней унесла она!
А сколько еще надо положить,
Чтоб люди стали миром дорожить.
Чтоб перестали люди воевать.
Но вновь об этом стали забывать.
Рвет нервы автоматов трескотня.
Афганистан, Таджикистан, Чечня...
И нет покоя павшим на войне,
Мечтавшим под огнем о тишине,
О мире для планеты, для страны,
Но не дожившим до конца войны.
А души их взирают с высоты
На новые могильные кресты.
Он проникает в сердце этот взор,
А в нем предупрежденье и укор.
За то, что не пошел народам впрок
Той трашной бойни роковой урок;
За то, что даже пустяковый спор
Опять решают пуля и топор;

За то, что в повседневной суете
Не видим мы, что рядом в нищете
Среди несправедливости и смут
Спасители Отечества живут.
Как мало их осталось на Руси.
О, Боже, сохрани их и спаси
От нищеты в последние года,
А нас всех от позора и стыда!
А майским днем в Победный юбилей
У монументов, памятных аллей,
Возможно, на последний свой парад,
Они пойдут в строю под звон наград.
И со слезами вспомнят о друзьях,
Геройски павших в яростных боях,
О тех, кто выжил, кто пришел с войны,
Но не дожил до нынешней весны.
Фуражки снимут с шевелюр седых,
Горя, что редуют их ряды,
Что скоро на последний свой парад
Придет последний фронтовой солдат.
Земной поклон вам, мертвым и живым,
За то, что по дорогам фронтовым
Четыре года вы с боями шли,
За то, что мир от гибели спасли.
За то, что в сорок пятом на рейхстаг
Вы вознесли победный, алый флаг.
Спасибо Вам за тот великий час!
Дай Бог Вам счастья! И простите нас.

НАШЕ ПОКОЛЕНИЕ

Мы родились перед войной
В те роковые годы.
И пережили со страной
Все беды и невзгоды.
Вставало солнце, каждый раз
Рожденье дня вещало.
Оно не слишком грело нас
И слабо освещало.
И от его косых лучей
На наше поколенье
Легли, как шрамы от бичей
Уродливые тени.
Мы погружались в горький дым
Болезней и мытарства,
Метаний в поисках еды
И в поисках лекарства.
Нас жизнь трепала, как могла,

Нам было больно, трудно,
Но в сердце не копили зла,
Ведь дело шло к полудню.
Людей ценили по делам,
Старались жить «по чести»,
Делили горе пополам
И радовались вместе.
Трудились все, кому не лень,
Хотя и не за тыщи,
Но твердо знали - «будет день,
А значит будет пища».
А жизнь текла за кругом круг
Размеренно, толково,
Но всем нам захотелось вдруг
Чего-нибудь такого.
Вот и трягнули стариной,
Да, зная, перестарались.
Лишь распростились со страной
И «на бобах» остались.
А наше солнышко уже
Зенит перевалило.
Увы, остались на меже
И молодость, и сила.
А тени резче и длинней.
День клонится к закату.
И все острее и больней
Переживать утрату.
И снова мы глотаем дым
Болезней и мытарства.
Метаний в поисках еды
И в поисках лекарства.
Да жизнь, конечно, тяжела
(Мы жили и похуже) -
Но в людях стало столько зла,
Что повергает в ужас!
И уж, возможно, никогда
Нам не видать расцвета.
Кругом беда, одна беда
Глухая, без просвета.
И горше всех она для тех,
(Их большинство в народе),
Что в детстве жили в нищите
И в нищите уходят.
И все ж нас беды не смогли
Поставить на колени.
А нас за стойкость нарекли
Военным поколеньем.

О чем звенят афганские медали

О ЧЕМ ЗВЕНЯТ АФГАНСКИЕ МЕДАЛИ

Закончилась афганская война,
Насытившись солдатской кровью.
Одних почти не тронула она,
В других навек вошла щемящей болью.
Афганцы возвращаются домой,
У многих на груди звенят медали,
Звенят о братьях, отнятых войной,
Убитых там, в пропахшей кровью дали.
Пятнадцать тысяч молодых ребят
Легли среди камней Афганистана...
- На то война? - но оглянись назад
И встанет сорок первый из тумана.
Тогда мы потеряли полстраны
По милости того, кто правил нами,
Кричали на весь мир, как мы сильны,
А против танков вышли со штыками.
Потомки имя проклянут его,
До гроба не забудут ветераны,
Как тех, что шли на подвиг за него,
Он истреблял с жестокостью тирана.
А лучше ль тот старик, что без стыда
В ущельях диких гор Афганистана
Зеленых новобранцев, как стада,
Погнал бездумно под ножи душманов?
Их второпях толкали в самолет,
Надев, как крест, на шею автоматы,
И совершили свой последний взлет
Птенцы, произведенные в солдаты.
Не правда ли, как братья-близнецы,
Похожи эти страшные сюжеты?
Виновны в них «отчества отцы»,
А гибли матерей российских дети.
Не хватит ли играть в конце концов
Судьбой и жизнью русского солдата,
Бросая в бой неопытных юнцов,

Впервые взявших в руки автоматы?
Закончилась Афганская война,
Не принесся ни пользы нам, ни славы...
О, если б образумила она
Охотников до роковой забавы!
Об этом молят матери солдат,
Живых и павших там, в безвестной дали,
О том могилы братские кричат,
О том звенят афганские медали.

РАСПЛАТА

Залп тишину разорвал, раздробил,
Зло сыпанул смертоносной шрапнелью
И раскаленным железом пробил
Юное тело под серой шинелью
Долгие месяцы госпиталей,
Боль операции, кровь и карболка.
Списан по чистой под стук костылей
На секретарство в Совете поселка.
Служба пустячная - клей да пиши.
Вел регистрацию писем и жалоб,
Чинил председателю карандаши
Острым, как бритва, трофейным кинжалом,
Строгий начальник не воевал
Но выговаривал важно и грубо.
Как-то за мелочь парнишку назвал
Злым, оскорбительным словом «обрубок».
Парень, сжимая тесак в кулаке,
Яростным взглядом вцепился в подонка.
Бешенно дергался нерв на щеке,
Взвизгнул обидчик протяжно и тонко.
Чувствуя стук костылей за спиной,
В ужасе прянул за дверь кабинета,
Плотно прижался дрожащей спиной,
Запер на ключ и подпер табуретом.
Грудью упав на закрытую дверь,
Так, что посыпались на пол награды,
Вскрикнул солдат, будто раненый зверь,
Встретивший копыя железной ограды.
Ярость и боль от израненных ног
Хлынула в мозг, понесла закрутила.
С треском вонзился трофейный клинок
В черный потертый квадрат дерматина.
Взвился за дверью пронзительный крик,
Полный мучительной боли и страха.
Вздрогнул, очнувшись, солдатик и сник.

Сразу от пота промокла рубаша.
Он отшвырнул окровавленный нож.
Молвил в ответ прозвучавшему стону:
«Того, что случилось, уже не вернешь».
Горько вздохнул и побрел к телефону.

ТВОЯ ВОЙНА

Однажды ветеран войны минувшей,
Снискавший славу в битвах за страну
«Афганцу» - ветерану молвил: «Слушай,
Ты не равняй с моей твою войну».
Не зло сказал, но, словно в душу плюнул,
Как-будто парень в чем-то виноват.
Возможно он на чью-то «утку» клюнул,
Не сам ли пел: «Солдат всегда - солдат».
Никто солдата не спросил ни разу.
По нраву ли ему иной приказ?
Вот и идут солдаты по приказу
В Афган, Таджикистан и на Кавказ.
Идут и погибают за Россию,
Оружием искореняя зло,
А в спину взгляды злобные, косые.
Тебе, отец, хоть в этом повезло.
Тебя пока еще не унижали,
Не бередили незаживших ран.
Тебе в лицо с издевкой не бросали:
Мол, я тебя не посылал в Афган.
И вот опять на грудь по автомату
И прямиком в мятежную Чечню.
Опять нести российскому солдату
Позор за бестолковую резню.
Твоя война, моя... Не в этом дело.
Не тот размах и миновал срок большой...
Болит твое израненное тело,
А как нам жить с израненной душой?
Нас за грехи политиков винули,
Винули те, кто сам был виноват.
Дай Бог, чтоб они не очернили
Твоих, в бою заслуженных, наград.
Чтобы твою Победу не отняли,
Знамен победных не снесли в подвал.
Боюсь, чтобы тебя не приравнивали
Уже не к нам, а к тем, с кем воевал.

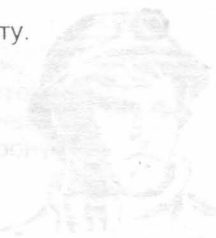
Шахтеры - замечательный народ

ИДУТ ГЕОЛОГИ В МАРШРУТ

Пусть ураганы всей планеты
Свиваются в свастящий жгут,
Громы раскалывают небо,
Идут геологи в маршрут.
В урманы дикие, глухие
Всегда вперед, за шагом шаг
Идут наперекор стихии
С веселой яростью в глазах.
Идут искать земные клады
В крутой груди седых гольцов,
И возвращаются на базу
С бесценным грузом образцов.
Ну, что за чудо эти парни!
Еще не вытерт пот со лбов,
А руки тянутся к гитаре,
Заветной спутнице костров.
И пробудив от сна вершины,
Несется песня к небесам -
О легкокрылой бригантине,
Взметнувшей в небо паруса.
До полночи в глуши таежной
Гитары льется тихий звон,
И песни юности тревожной
С усталых век сгоняют сон.
А утром - рюкзаки на плечи
Они в очередной маршрут
Уйдут опасностям навстречу
Вершить свой тяжкий нужный труд!

ШАХТЕРЫ - ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ НАРОД

Шахтеры - удивительный народ.
Вся живность на земле стремится к свету.
А у шахтера все наоборот:

Он лезет вглубь, вгрызается в планету.
И уголек, что миллионы лет
Земля от всех надежно укрывала,
Копает, выдает на белый свет
Нахально, как из своего подвала.
Он роет в чреве матушки-Земли
Длинящие ходы и переходы,
А по лицу ее давно пошли
Прыщи отвалов вынутой породы.
Но и старушка тоже не проста.
И своего не уступает даром.
Разит внезапно, как из-за куста,
То взрывом, то завалом, то пожаром.
А уж подарком точно наделит.
Преподнесет верней, чем по прогнозам,
К десятилетию - радикулит,
А в двадцать - поощряет силикозом.
Но этот удивительный народ
Шутить способен на ступеньках плахи.
А шутки солоны, как едкий пот
На до пупа распахнутой рубашке.
Иной полузадавленный мужик
Смеется над собой, от боли серый,
А попадись такому на язык,
Уж он тебе отпустит полной мерой.
А этот, с виду штатный зубоскал,
Не может ни минуты без подначек.
Но за друзей пойдет в любой завал,
Не спрячется. А это много значит!
Сто грамм для друга он всегда найдет,
Поделится последней сигаретой...
Шахтеры - замечательный народ!
Горжусь, что я прописан в касте этой!

РАССКАЗ НОВИЧКА-ШАХТЕРА

Ни оконца - как в каменном склепе,
Темнотища, хоть выколи глаз,
А на голову арочной крепи
Жмет всей тушей могучий Кузбасс.
Крепь стальную жует, как солому,
От натуги хрипят хомуты.
Боже! Дай мне добраться до дому!
Наплевал я на эти пласты.
А в забоях глядят из-под касок,
Как сапожная вакса черны,
Новоявленные папуасы,

Углекопы советской страны.
Комбайнер, словно черт в преисподней,
Матерясь и нещадно пыля,
В пропотевшей рубашке исподней
Рубит шнеками пачку угля.
Стонет привод под угольным градом,
Трутся цепи надрывно визжа...
Я не выдержал этого ада,
Что есть духу к стволу побежал.
Лишь под краном в прокуренной мойке
Я впервые свободно вздохнул.
Ну, а дома, добравшись до койки,
Сном кошмарным мгновенно уснул.
Провалился, как в омут, и сразу
Эти страхи вернулись ко мне.
Все, что видел и слышал в рассказах,
Мне приснилось в диковинном сне.
Вижу: шнеки вращаются дружно
На качалке, как пара волчков,
И курчавится тонкая стружка
Из-под острых протезных зубков.
Цепи, словно гремучие змеи,
Чешуей шелестят в рештаке,
Раздувая короткие шеи,
Две «лягушки» сидят на скребке.
Стрелки гладят штрека утюгами,
Ощетинив два острых пера,
Стадо «коз», громыхая рогами,
В шахтном поле жует клевера.
Сопряжения держат пакеты,
По уклонам летают орлы,
По штрекам раставляют пикеты
И нацелились в небо стволы.
Утром долго не мог отдышаться,
Кое-как ото сна отошел.
Думал, думал: «Куда бы податься?»
Встал, поел и на шахту пошел.

ЮБИЛЕЙ

К 60-летию шахты «Пионерка»

Шел по России трудный тридцать третий,
Угля для домен ждал рабочий класс,
И, отзываясь на запросы эти,
Вскрывал запасы угольный Кузбасс.
Пришла весна. И, словно для примерки,

Одела в зелень голые поля.
Тогда впервые шахта «Пионерка»
Дала стране беловского угля.
В трудах мелькали дни, летели годы,
И вот уж «Пионерке» шестьдесят,
А эти годы, как пласты породы,
Тяжелым грузом на плечах висят.
Шла «Пионерка», падала, вставала,
Упорно шла вперед за шагом шаг.
Попутно кадры крепкие ковала,
Учила горняков для новых шахт.
Знавала светлый день и непогоду,
Рыдала о погибших на пути.
Все одолела и огонь, и воду -
Всегда труднее первому идти.
Свое название шахта оправдала.
Пути проторенными не шла.
Не останавливаясь, облик свой меняла
И даже новой шахте жизнь дала.
И пусть с годами краски полиняли,
И пусть не ждут нас легкие хлеба,
Но мы ей никогда не изменяли,
У нас одна шахтерская судьба.
Она болеет - с нею мы боеем,
Воспрянет - и о нас трубит молва.
И вот теперь, на славном юбилее
Ей наш поклон и добрые слова:
«Сегодня мы живем по новым меркам,
Иные правила игры диктует жизнь.
Ты выстоишь. Ведь ты же ПИОНЕРКА!
Держись, старушка! Трудно, но держись!
Держись! Живи до ста, не увядая.
Давай, как прежде уголь на-гора.
Ведь сколько лет ты нам, как мать родная,
Беловским шахтам - старшая сестра...

P.S.

Два года, как оркестры оттрубили.
Никто не верил, что близка беда.
И вот тебя предательски сгубили.
Прощай, прощай, старушка, навсегда.

ДИСПЕТЧЕР

В утробе старшей среди старых шахт
Сидит за коммутатором диспетчер.
Гудит под боком теплый агрегат,

А за стеной свистит холодный ветер.
Звонят без прорыва, и он, как пианист,
Стучит по клавишам уверенной рукою...
Вот позвонил продрогший машинист:
- Поехал с грузом. Уголь прет рекою.
Кричат надрывно в трубку мастера:
То, оказалось, леса нет ни палки,
То что-то срочно выдать на-гора,
Подать металл, бетонку, цепи, балки...
А партии с углем, как пулемет,
На стрелках дробно отбивают строчки.
Прошлепаешь губами - и пролет -
Не уцелеть отлаженной цепочке.
Звонок: - Толкатель встал! Сюда! Скорей!
В который раз не выдержали трубки.
И помянув праматерь слесарей,
Диспетчер «мухой» вылетел из рубки.
Как угорелый жмет по обходной,
Решая маслотрубную проблему.
- В заначке, как обычно, ни одной.
Черт бы побрал треклятую систему!
А надо где-то срочно подзанять,
Чтоб лаву без «посуды» не оставить.
И неизвестно где, откуда снять,
Известно лишь одно - куда поставить.
Решив вопрос, он ринулся назад,
Стуча по шатким трапам каблуками,
Туда, где надрывался аппарат,
На части раздираемый звонками.
Но не успел еще на стул присесть,
Как тот же голос в трубку телефона
Проямлил мерзопакостную весть:
- На «кулаках» заклинило вагоны...
Всю смену ни минуты тишины.
Домой пришел, как выжатый, под вечер,
Включил звонок и на вопрос жены,
Как автомат, ответил - «Я, диспетчер».
Но иногда случается напасть,
Когда забои «колом» встанут сразу.
В камерке - негде яблоку упасть.
Галдеж. Не слышишь собственную фразу.
Здесь на трибуну вход доступен всем,
И нет пределов широте суждений.
От секса до космических систем.
Послушаешь - поверишь: «Каждый - гений».
Но вот звучит условленный сигнал:

- Конец простою, снова едут лавы.
Вновь порожняк на стрелках застучал
И понеслись груженные составы.
Диспетчер с облегчением вздохнул,
«Философов» послал к местам работы.
И, словно в омут, с головой нырнул
Опять в свои привычные заботы.

ПОТОП

Вода бурлит по полювому.
И на подпойменном вода.
Как океанские паромы,
Плывут по штреку поезда.
Машины волны рассекают,
В кабинах плещется вода,
Контроллеры огнем чихают
И замыкают провода.
А трапы пляшут, будто льдины,
На мутном, пенистом валу,
На них, как черные пингвины,
Плывут шахтерики к стволу.
Идет «девятый вал» прилива
Вода клокочет, как в котле.
Механика водоотлива
Несет в «рукав» на горбыле,
А он в промасленной тельняшке
Затяжкой правит, как рулем,
И стайкой рыжие бумажки
Несутся вслед за горбылем,
В диспетчерской бушует море,
Вода в насосной и в стволе
И словно птица на заборе,
Сидит диспетчер на столе.
Потоп! Все дружно загалдели.
Наверх пошли сигналы «SOS».
Но, вдруг насосы загудели,
Зачавкал грязно углесос.
Сошла вода. Отжав тельняшку,
Механик радостно вздохнул:
«Теперь бы, братцы, по стакашку.
За то, что вновь не утонул».

ШАХТЕРСКАЯ СУДЬБА

В касках набекрень, в спецовках нараспашку
Они идут готовые к труду,

И лишь еще одну, последнюю затыжку,
Друг другу предлагают находу.
Идя на спуск, они надеются вернуться,
Пока что не про них обвал и газ,
Но открывая дверь, стремятся обернуться,
Взглянуть на небо, как последний раз.
А в шахте, как в аду, где все черны, как черти,
За уголь и за жизнь идет борьба.
И всем им на роду, от юности до смерти,
Написана шахтерская судьба.
Но этот ад для них - обычная работа.
Со скрипом тянут цепь конвейера,
И уголек, пропитанный шахтерским потом,
Идет из преисподней «на-гора».
Ох, как же он тяжел и солон хлеб шахтерский,
Но после смены, выйдя «на-гора»,
Они, упав в траву, смакуют папироски
И смотрят в небо, словно в первый раз.

СМЕРТЬ ШАХТЕРА

*посвящается семье Н.Н. Песяка, погибшего
на шахте «Пионерка» весной 1995 года.*

Тревожно звякнул зуммер телефона,
И застонали нервов провода
Трагическим, сверлящим душу звоном:
Кого-то вновь подстерегла беда.
И, значит, где-то там, в глухом забое
Изломанное тело распростер,
Хрипя в тисках невыносимой боли,
На уголь разменявший жизнь шахтер.
Большое сердце еле слышно бьется
В широкой исковерканной груди.
И стук его все глуше раздается.
И смерть уже маячит впереди.
Ревут электровозные моторы,
Рвут жилы из могучих батарей.
Спешат на помощь друганы-шахтеры
Под стук колес: скорей, скорей, скорей!
Его несут по штреку, по уклону,
Почти бегут, стараясь не трясти
И слушая слабеющие стоны.
Успеть бы только. Только б донести...
Терпи, браток. Держись. Еще немного.
А если нету сил терпеть - кричи.
Но как трудна и как длинна дорога!

И где же эти чертовы врачи?
Крепись браток. Де-ржись на этом свете.
Спешат. Рубахи взмокли на спине.
Терпи. Ведь дома ждут жена и дети,
Ведь ты для них один, как свет в окне.
И вот уже носилки на вагоне.
К стволу, где ждет
с открытой дверью клеть...
Но организм не выдержал погони,
На полпути его настигла смерть.
Печальные. В молчании угрюмом
Друзья носилки с телом в клеть внесли.
И, словно извиняясь, каждый думал:
Прости, братишка, что не донесли.
Прости, родной, но все мы в жизни смертны.
И, может, завтра кто-нибудь из нас,
Невольно став счередною жертвой,
Вот так же встретит свой последний час.
Такая уж судьбина у шахтера.
Ее мы сами выбрали давно.
Да, у шахтера все, как у сапера.
Здесь дважды ошибаться не дано.

СТОИТ СТАТЬ ШАХТЕРОМ

В одном стихотворении Некрасов
Поведал миру грустные слова
Про крошечного малолетку Власа,
Который на лошадке вез дрова.
И басовито говорил с укором,
Что двое «пашут» - семеро едят...
Он мне напомнил нашего шахтера,
В чью миску тоже многие глядят.
Реформы, займы, фонды и налоги...
Детишек нет - бездетность оплаты
(Когда, того гляди, протянешь ноги,
Какие дети, Господи, прости?)
Всю жизнь профкому платит алименты,
Из года в год копает уголек,
И все, от продавца до Президента,
Как в своей, в шахтерский лезут кошелек.
Он дышит пылью, он грызет породу,
Пол-жизни под-землей, во тьме, как крот,
Он поглощает окись углерода и выделяет сероводород.
Зато когда, как в знаменитой песне,
Шахтер с зарей выходит на-гора,
Все беды прочь, дыши, пока не треснешь,

И солнцу и теплу кричи «Ура».
Душа ликует. Все отрадно взору:
Отстойники, отвалы, бункера...
Ей Богу, братцы, стоит стать шахтером,
Чтобы хоть раз подняться на-гора!

ДЕНЬ ШАХТЕРСКОЙ СЛАВЫ

Что о шахтерах знали на Руси?
Ну, роют что-то, что-то добывают,
Зато какую бабку не спроси,
Та «точно знает»: «Часто выпивают».
И что деньгу «лопатами гребут».
Но вы скажите: «А кому известно
Про их тяжелый и опасный труд
Порой в такой норе, где крысам тесно?»
И что за каждый миллион угля
Шахтера, словно косточку по счетам,
Кидает влево матушка земля,
Сочтясь за уголек кровавым счетом.
У нас о том не принято кричать,
Оповестят, конечно, на наряде,
Черкнет две строчки местная печать,
Да погорюют мужики в бригаде.
Да и кому нужда об этом знать?
Порой бывает много знать накладно.
Что ж все о покойных вспоминать?
Есть уголек, тепло в доме - и ладно.
Все знают Трускавец и Иссук-Куль,
Ну, а про Ялту знают даже дети,
Зато пока не прогремел ИЮЛЬ,
Никто не знал, что есть Кузбасс на свете.
Несчастный край: в котором вся страна
Для нужд своих богатство добывает,
Не церемонясь, черпает до дна,
А уплатить по счету забывает.
И чтобы разморозить этот счет,
Июльским днем остановились лавы,
Во времени пошел другой отсчет.
Тот жаркий день стал Днем Шахтерской Славы.
Не все тот подвиг оценить смогли.
Все было: обвинения, укоры...
Но разве за себя на площадь шли?
О всей России думали шахтеры.
Благослови же труд наш, Мать Земля,
Храни нас от пожара и обвала.
Мы, как всегда, дадим стране угля,
Но чтоб страна о нас не забывала.

ЧТО ЖДЕТ РОССИЙСКОГО ШАХТЕРА?

Что ждет российского шахтера?

На грани краха сотни шахт.

Пружина сжата до упора.

Остался лишь последний шаг.

Повисла в воздухе тревога.

Как выжить и куда пойти?

На горизонте безнадега

Перекрывает все пути.

Дробят шахтовые суставы

Пожатья банковских когтей.

Все реже грузные составы

Уходят с подъездных путей.

В мученьях умирают шахты.

Съедает ржавчина копры,

И смрадом запустенья пахнут

Околоствольные дворы.

Как остывающую лаву

Затягивает грязный шлак,

Шахтерскую былую славу

Забвенья покрывает мрак.

Шахтерский труд теперь не в моде.

Живут хапуги и рвачи.

Шахтеры семьи переводят

На безработные харчи.

Их жизнь уныла и убога,

Их труд тяжел, как смертный грех,

Они ведь дальше всех от Бога

Он ближе к тем, кто выше всех.

Но мы на Бога не сердиты.

Не страшен шахтам гнев богов.

В тисках грабительских кредитов

Они погибнут от долгов.

А с шахтами умрут поселки,

И безработицы метла

Погонит нищих на проселки,

Отравит души ядом зла.

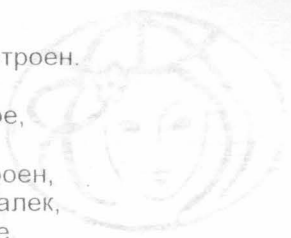
Погонит, как баранов, скопом

На паперть, на панель, в тюрьму...

Конец приходит углекопам

Россия катится во тьму.

ГЛАВНОЕ ДЕЛО

В спецовке шахтер не особенно строен.
Над веками тенями уголь залег.
Но гнаться за модою - дело второе,
А главное дело - давать уголек.
Прорехи в бюджете и быт не устроен,
И путь до работы, как в космос, далек,
Но будни житейские - дело второе,
А первое дело - давать уголек.
Он перед витринами, как перед строєм,
Стыдливо сжимает худой кошелек,
Но гнаться за ценами - дело второе,
А первое дело - давать уголек.
Получит получку. Сойдутся по трое,
(До водочной лавки маршрут недалек).
Но лишь для разрядки. То дело второе,
А главное - дело давать уголек.
На праздник торжественный вечер устроят,
Возможно, что сам поздравленья пришлет.
Приятно, конечно, но это - второе,
А первое дело - давать уголек.
Вернулся с собранья чуть ни героем.
Теперь бы поспать. Уж рассвет недалек.
Обнять бы жену. Нет. Любовь на второе,
А первое дело - давать уголек.
И, если все шахты успешно закроют,
У шахтных стволов зацветет василек,
Киркой и лопатой он штолен нароет
И все-таки будет давать уголек.

Парад суверенитетов

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Снотворным зельем на пиру
Их опоили и к утру,
Закованных по одному,
В сырую бросили тюрьму.
Звенят оковы на руках,
Твердеют скулы в желваках,
Не покоряясь злой судьбе,
Друзья готовятся к борьбе.
И долгожданный час настал,
Скрипит напильник о металл,
Цепей железные витки
Змеей обвили кулаки.
За дверь слышен звук шагов,
Димитрий встал, гремит засов.
Как гром, обрушился удар,
И рухнул мертвый янычар.
В забитый стражей коридор
Двенадцать «барсов», как топор,
Врубились. Яростный напор,
И «барсы» вырвались во двор.
Казалось, что надежды луч
Уже пробил завесу туч.
Но вновь над ними злобный рок
Занес отравленный клинок.
Вокруг кипел водоворот
Свирепых янычарских орт.
В глазах друзей огонь погас,
Но грянул Саакадзе бас:
- Нам милость Бог послал свою -
Смерть не на плахе, а в бою,
И мы сумеем показать,
Как могут «барсы» умирать.
И грянул этот страшный бой,
Сметая всех перед собой,
Пробив кровавый коридор,
Ломились «барсы» через двор.

Дробили цепи черепа,
Росла кровавая тропа,
И так был яростен удар,
Что ужас объял янычар.
Проклятья, стоны, крики, лязг...
Вперед, но дрогнула земля.
Под дикий рев: «Алла! Алла!»
На «барсов» конница пошла,
И братья, встав к спине спиной,
К плечу плечом одной стеной,
Друг друга заслонив собой,
Пошли в последний смертный бой.
И сшиблись в сече роковой. Клинки,
Со свистом падали и в миг,
Взлетев над головой,
Предсмертный обрывался крик...
Все меньше остается сил...
Вот пал отважный Автандил,
Сражен Димитрий наповал,
Над павшим Дато трупов вал...
С неистовым мечом в руках,
Повсюду сея смерть и страх,
Непобедимый исполин
Разит врагов уже один.
Взмах - с плеч слетает голова,
В густой крови земля, трава.
Еще один могучий взмах -
Рассечен надвое сипах.
Бросок. Удар. Еще бросок
И вновь взвивается клинок,
Чертя свистящие круги,
И снова падают враги.
Но... вот он, выпад роковой,
Кровавый бой закончив свой,
Сжимая сломанный булат,
Георгий поднял гордый взгляд.
... Мой бой окончен, что ж тогда...
«Барс» не сдастся никогда».
Обломком верного клинка
Пронзила грудь его рука.
Закрыв собою ясный день,
Могучая взметнулась тень...
Так свой порог перешагнул,
И в вечность гордый «барс» шагнул.
Чей тяжкий меч броню ломал,
Чей глас на битву поднимал.

Его девиз навек хранит
Покрытый славой верный щит.
Негаснущим, святым огнем
Слова всегда горят на нем,
Вещая миру: «Счастлив тот,
Чье сердце бьется за народ».

P.S. Так погиб Георгий Саакадзе. Великий Муорави, Человек-легенда. Всю жизнь боровшийся за свободу Грузии, всю жизнь мечтавший о братском союзе с великой единой Россией.

* * *

Земля рванулась из-под ног
В непостижимой страшной силе.
И над Арменией, как смок,
Повисла туча едкой пыли.
И леденящий душу крик,
Как жуткий вопль из смертных камер,
В руинах каменных возник
И, болью захлебнувшись, замер.
Что ты наделала, Земля?!
Детей своих не пощадила!
Ну как ты погубить могла
Все, что сама и породила?!
Что ж не смогла ты укротить
Слепую, дьявольскую силу?!
Как ты посмела превратить
Страну в кровавую могилу!
Кто видел - в жилах стыла кровь,
Сжимало сердце страшной болью...
Не дай нам бог увидеть вновь
Руины, смешанные с кровью.
От горя обезумев, мать
Над ними рвет свои седины,
И рук отца не оторвать
От сплющенной коляски сына.
Их скорбь в сердцах отзвалась
Кровоточащей, жгучей раной,
Она набатом разнеслась
По близким и далеким странам.
И каждый, в ком жива душа,
Кто может сострадать утратам,
Отдал, последнее, спеша
На помощь гибнущему брату.
И каждый верить уж готов,
Что не один лишь гнев природы
И скорбь, а братская любовь
Сближает страны и народы.

ЛАВИНА

Горы в объятиях вечного сна.
Холод сухой и колючий.
Настороженная тишина.
Снежная толща над кручей.
А за обманчивой тишиной.
Грань между миром и битвой.
Грань между смертью и жизнью земной,
Острое лезвие бритвы.
Острые зубья. Матерый ледник...
Край этот дик и нехожен.
Кто же сюда безрассудно проник?
- Будь человек, осторожен!
Поздно. Открыта запретная дверь.
(Рок это был или случай?)
Тысячетонный неистовый зверь
Ожил и ринулся с кручи.
Горы потряс нарастающий гул.
Бесы вселились в лавину.
Злобно слизнула со склона аул
И потащила в долину.
Стерла белесая мгла горизонт
Вздыбленной снежною пылью,
Словно взметнул многоглавый дракон
В небо огромные крылья.
Мчится, грохочет обломками скал,
Сносит леса и постройки
Неудержимый чудовищный вал,
Дикий, слепой и жестокий.
Все, что в трудах создавал человек.
Рвал от усердья постромки,
Все, что, казалось, построил навек,
В миг превратилось в обломки.
Лишь зазмеились по голой скале
Борозды страшных царапин,
Будто на склоне оставили след
Когти чудовищной лапы.
Бешенно мчится лавина, грозна
В неудержимом движенье,
Чтобы воздать человеку сполна,
Чтоб отомстить за вторженье.
Рухнув всей тушей в ущелье, до дна
Выплеснув дикую ярость,
Чудище замерло, и тишина
Вновь над землей распласталась.
Падает снежная пыль на кусты

И на древесные кости,
Что из-под снега торчат, как кресты
На обветшалом погосте.

ПАРАД СУВЕРЕНИТЕТОВ

Я ощущаю стыд и грусть,
Когда правители республик,
Стремясь урвать, кто грош, кто рублик,
Растаскивают наш Союз.
Они тельняшки рвут в клочки
И ошалевшие народы
Толкают на костры свободы,
А в углях жарят шашлыки.
Суверенитетам счета нет:
Тут и тувинский и удмуртский,
Но переплюнул всех - якутский.
Он - суперсуверенитет.
Они решили тет-а-тет
Преподнести японцам сразу.
Все золото и все алмазы!
Вот вам и суверенитет!
А Украина? А Кавказ?
Одних топтали янычары,
Других - поляки и татары,
Обоих щит российский спас.
До гроба в верности клялись,
Пока нужна была защита.
Но клятва прежняя забыта,
Уж и упреки начались.
Украина вовсе впала в раж,
Сполна за дружбу заплатила:
Крым вместе с флотом прихватила,
Как будто собственный багаж.
И словно псы на поводке,
Оскалились в раскрытых шлюзах,
Отхваченные у Союза
Двенадцать ядерных ракет.
А вот уже и Казахстан -
Форпост исламского Востока,
Прикрывшись знаменем пророка,
Ракетный точит ятаган.
Тревожно на родной земле,
А наши слуги - депутаты
Беспечно бродят по палатам
И в «Белом доме» и в Кремле.

МОЛИТВА БЕЖЕНКИ

Южная ночь душна.
В долины на склоны гор
Расплавленная луна
Льет серебристый раствор.
Чудная ночь в горах,
Только в душе темно,
Липкий, тягучий страх
В ней поселился давно.
Женщина у окна.
В комнате пусто, темно.
Из темноты она
Тревожно глядит в окно,
Спит на руках сынок,
В детской душе покой,
А на столе узелок,
Чтоб был всегда под рукой.
А за окном пальба
С каждой минутой злей.
А на губах мольба:
«Господи пожалей!
Господи, пронеси!
Камень с души сними,
Детскую душу спаси.
Лучше мою возьми!
За что ты караешь нас,
Послав нам такой удел?
Может быть я грешна?
Малыш согрешить не успел.
Был у меня свой дом.
Где он, скажи теперь?
Мир превратился в содом.
В людях проснулся зверь.
Была у меня семья.
Но дом попал под обстрел.
Осталась в живых лишь я,
Да малый сынок уцелел.
Вот и бежим теперь,
Покинув мятежный юг.
Где нам откроют дверь?
Где нам дадут приют?»
Вдруг заскрипел песок
Под тяжестью чьей-то ноги.
Сухо щелкнул курок.
«Боже, спаси, помоги!
Муки любые стерплю,

Только младенца спаси!
Не за себя молю,
Господи, пронеси!»
Долго тянулась ночь,
Но, наконец, прошла.
А на рассвете прочь
Женщина побрела.
Словно курай степной,
Гонит ее по степи
Ветер судьбы шальной.
«Господи, укрепи!»

ВОРОНЫ

Когда мы начали развал, раздел по нациям,
Угроза зрела и в словах, и в интонациях.
И вот уж все орут «мое» до исступления,
Сучит ногами воронье от нетерпения.
Мы все лелеяли мечту, что станем Крезами,
Когда живьем свою страну на части резали.
Хлестала кровь во все концы из жил разорванных,
И на кровавые рубцы слетались вороны.
Роднились с юртами дома и сакли с хатами
И за соседских сыновей девчонок сватали.
Теперь ни хаток, ни домов, лишь трубы черные.
Над обоженною землей кружатся вороны.
Идет в Осетии война, война в Молдавии.
Взялись за ружья мужики, плуги оставили.
Увязнув в старых бороздах, ржавеют бороны,
А на заброшенных садах гнездятся вороны.
По Карабаху бродит смерть и по Абхазии,
А по дорогам - беглецы из Средней Азии.
Они бегут с земли родной, в чужую сторону,
А позади, за их спиной, пируют вороны.
Сегодня нас нельзя назвать людьми забитыми,
Мы свободны убивать и быть убитыми.
Вглядитесь в лица матерей от горя черные,
Чьих сыновей и дочерей склевали вороны.
Скажите, от чего они теперь свободные,
Когда пожарища кругом, поля бесплодные,
Когда вражда среди людей, все узы порваны,
Когда на трупах их детей жируют вороны?

ВЛАСТЬ

Нас всех обуревают страсти,
Кого к вину, кого к любви,

Но нет страшнее жажды власти.
Она плодится на крови.
Какая сила в слове этом,
Таком коротком слове «власть»,
Сухом, как выстрел пистолета,
Хоть и созвучном слову «сласть».
О ней мечтают, бредят ею.
Дорога к ней крута, тесна.
Чем ближе к власти, тем теснее,
Но тем желаннее она.
К ней, как к любовнице, ревнуют,
Друг друга поедом едят.
Не то что друга, мать родную
Из-за нее не пощадят.
Она не терпит параллелей,
Других ветвей не признает.
Из страха, чтоб ее не съели,
Она сама их отжует.
Не терпит власть родства, соседства,
Законов нет в такой борьбе.
Здесь цель оправдывает средства,
Здесь думай только о себе,
Но уж никак не о народе,
Кишащем где-то там внизу.
Народ для власти что-то вроде
Огромного бельма в глазу.
Но с ним необходимо ладить,
Чтоб «голоса» себе добыть.
До выборов слегка погладить,
А после выборов - забыть.
Да. Нет страшнее этой страсти.
И жертв ее не перечесать.
За краткое мгновенье власти
И душу продают и честь.

ГИБЕЛЬ 12-Й ЗАСТАВЫ

Опять рассвет, как в том году,
Как будто сон кошмарный снится,
И снова в огненном аду
Горит далекая граница.
И вновь идет неравный бой,
Непримиримый, страшный, тяжкий,
И вновь страну закрыл собой
Пацан в зелененькой фуражке.
Вновь пятеро на одного.
Свирепых, злобных, бородатых,

Идут, чтобы убить его,
Убить российского солдата.
Под яростный, зловещий крик
Насели, навалились скопом.
А до подмоги напрямик
Полсотни верст по горным тропам.
Снаряды падают на плац,
Трещат горящие бараки,
И стрелы пулеметных трасс
Свистят в рассветном полумраке,
Бьет миномет. А у ребят,
По бедности или по штату,
На каждого лишь автомат,
И два рожка к нему на брата.
Но парни бились до конца,
Покуда было чем сражаться,
Лишь восемнадцати бойцам
К резерву удалось прорваться.
Уже не дорожа собой,
Не дав остыть горячим ранам,
Они рвались обратно в бой,
Чтоб за друзей воздать душманам.
А там в огне, в крови, в пыли
Развалины родной заставы:
Там двадцать пять бойцов легли,
Не посрамив российской славы.
И понеслись во все концы,
В родную русскую сторонку.
Беды невольные гонцы,
Зажав в кармане похоронку.
Померкнули очи матерей.
И в жутком безысходном вое
Они обнимут у дверей
Гробы с останками героев,
Страна схоронит храбрецов,
Их подвиг высоко оценит,
Но кто утешит их отцов?
Кто матерям детей заменит?
Скажите: «Кто же виноват,
Что наш хранитель и защитник
Великой армии солдат
Сам оказался беззащитен?
Кто Русь позорит на весь свет,
Губя ее сынов задаром,
Кто неспособен дать ответ
На зло карающим ударом?»

Скажите мне: какая мать
Рожденного в мученьях сына
Решится армии отдать?
А что без армии Россия?»

НЕПРИКАЯННЫЕ

Молодой лейтенант прислонился к броне.
От опушки слышна трескотня автоматов.
Как случилось, что здесь, не в чужой стороне,
А в привычных границах он стал супостатом?
Снова злобно пролаял в кустах автомат.
Знает, что не ответим, наглеет, зараза.
И растеряны лица безусых солдат -
Ни ответить огнем, ни уйти без приказа.
Что же держит нас в этом враждебном краю,
В этой дикой и злобной чужой передрыге?
И за чьи прегрешения вслед нам плюют?
Разве судят солдата за верность присяге?
А в казарме жена и трехлетний сынок
Ждут конца перестрелки, судьбу проклиная,
И отцовское сердце сжималось в комок,
Когда стену таранила пуля шальная.
Эх, солдатская жизнь - ни кола, ни двора.
В кабинетах начальников взгляды косые,
А малыш несмышленый пытается с утра:
«Папа, где же наш дом? Где же наша Россия?»
Что он скажет в ответ, он, защитник страны?
Подходящее слово на ум не приходит.
Ведь не скажешь, что мы никому не нужны.
И ни тем, что ушли, и ни тем, что приходят.

ВОЙНА

Война. Зима. Колючий снег.
То дождь холодной полосой.
А смерть гуляет по Чечне,
Звеня отточенной косою.
И косит всех, не разобрав,
И тех, кто истинно виновен.
И тех, кто прав. И кто без прав.
Текут с косы потоки крови.
Врагов бивали мы не раз.
Бывало, что и нас бивали.
Но так бездарно, как сейчас,
Мы никогда не воевали.
А в памяти свежи слова

Наиглавнейшего вояки:
- Нам все на свете трин-трава.
Возьмем Дудаева без драки.
Он осознать не захотел.
Хотенье - это лишь полдела.
Всему на свете есть предел.
И только глупость без предела.
Уж, если Богом не дано,
Зачем смешить людей напрасно?
Все это было бы смешно,
Когда бы не было так страшно.
Когда б молоденьких солдат
На лысынах разбитых улиц
Не двинули, как на парад
Под злые снайперские пули,
Когда хватило бы ума
Не тратить бомбы и снаряды,
Сметая мирные дома,
А не мятежные отряды.
Однако, думается мне,
Не только глупость виновата,
Что мы запутались в войне,
Как грешница в сетях разврата.
Кому-то, видимо, была
Нужна, как воздух, эта драма
Чтоб кровь обильная текла,
А Русь краснела бы от срама.

ВОЛКИ И ОХОТНИКИ

(Басня)

В одном селении из года в год
Прожорливая волчья стая
Повадилась таскать крестьянский скот,
Ни совести, ни жалости не зная.
Тут мужики на сходку собрались,
На помощь звать охотников решили.
Те дружно за работу принялись,
И вскоре волчью стаю обложили.
Пришла пора злодеям дать ответ
За наглые жестокие проделки...
Сбежалась стая в страхе на совет
Решать, как выжить в этой переделке,
От злости щелкали зубами вожак:
- Что за треклятое настало время,
Совсем осатанели мужики,

Искоренить хотят все волчье племя.
Поставили бы парочку силков,
Ну, похватали б «мелочь» для порядку,
Но, чтобы ставить сеть на жожаков?
Мы им покажем нашу волчью хватку.
Чтоб шустряков от дела устранить,
Чтоб передышку получить до срока,
Их, для начала надо очернить,
В потому... позвать сюда сороку!
И полетела по селу молва,
Что правила охоты нарушают,
Что волчьи попираются права,
Что без разбору всех подряд хватают.
Охотникам уже не до волков,
Как воронье, комиссии кружатся.
Так поливают грязью смельчаков,
Что те не успевают отмываться!
Трясут стрелков, да так, что пыль пошла,
Дождем летят отравленные стрелы,
Знать, кто-то кормится от волчьего стола,
Коль бьются, чтобы волки были целы.

(НЕ)ЖДАННАЯ ВОЙНА.

Гуляют слухи, как волна.
Все спорят о войне неожиданной.
А мне чеченская война
Отнюдь не кажется спонтанной.
Все помнят тот тревожный год,
Когда в стране менялись власти,
Когда дурачили народ,
Открыто разжигались страсти.
И в памяти довольно свеж
Клич, что тогда произносили:
- Бери свободы, сколько съешь,
Хоть до отвала (от России).
На той предвыборной волне,
В потоке самостийной грязи
Всплыл мусор не в одной Чечне,
Да и не только на Кавказе.
И не тогда ли Татарстан,
Сидящий на пупке России,
И иже с ним Башкортостан
Аж на Иран глаза косили?
Повсюду слышалось «Адю»,
Срывались голоса от крика.
Все вдруг забыли про статью

О неделимой и великой.
Ее бы сунуть всем под нос,
Не пустословить, не срамиться,
А навсегда решить вопрос
О государственной границе.
Но было всем не до того.
Между властями шли дебаты.
В Москве решали - кто кого
И то, за кем пойдут солдаты?
Все были по уши в борьбе,
На митингах мутили воду,
Учили армию стрельбе
По беспокойному народу.
У всей России на виду
Тропу преступникам торили
И под Дудаеву дуду
Чечне оружие дарили.
Так кто ж сегодня виноват?
Кому достанется награда
За то, что наш Иван-солдат
Пойдет вперед под залпы «Града»?
Не враз созрел пожар в Чечне
Он долго тлел вдали от шума.
Чечня готовилась к войне.
В Москве о том никто не думал.
Но ведь должны же понимать
Все те, кто к этому причастен,
Для нас, для всех Россия - Мать,
А Мать не делится на части.

НАДЕЖДА

Огромная холодная луна
Глядит с небес в застывшее окошко.
Темно и пусто. Мать сидит одна
И слезы льет, прикрыв глаза ладошкой.
В глазах плывут размытые огни.
И сердце спотыкается тревожно.
Она все ждет сыночка из Чечни,
Не хочет знать, что это невозможно.
Ее соколик оборвал полет,
Погибнув там, в Чечне, с друзьями вместе.
Домой его доставил самолет
Под кодовым названием «Груз двести».
Когда к ней в дом внесли закрытый гроб,
И бережно поставили на лавку,
Мать вскрикнула мучительно, вздохнув.

Как-будто ей накинута удавка.
Безумный взгляд обшаривал стекло,
Стараясь разглядеть лицо солдата,
Но под стеклянной рамкой только слой.
Стерильно чистой, белоснежной ваты.
Все стало нереальным, как в бреде,
Стучат по крышке комья мерзлой глины.
Что помогло ей пережить беду
И не сойти в могилу вслед за сыном?
А в голове от мыслей дикий звон.
Из тьмы надежда рвется светлой точкой.
А может быть в гробу лежит не он?
А может Бог сберег ее сыночка?
А может он, израненный в бою,
Скитается по госпитальным койкам?
Или в плену, кляня судьбу свою
Страдает бедный тяжело и горько?
И мать упорно продолжает ждать
И верить, что сынок еще вернется.
И надо ли ее разубеждать?
Ни у кого язык не повернется.
Пошли ей, Боже, мужества и сил,
Согрей ей сердце радостью земною.
Как много нынче женщин на Руси
С душою, опаленною войною.
Их иссушил военный суховец.
Одел до срока в черную одежду.
О, Господи! Верни им сыновей!
Не отнимай последнюю надежду!

ДОМ СУМАШЕДШИХ

Гляжу сквозь прореху в кирпичной стене,
Сквозь солнечную паутину.
И вижу, как в сказке, а может во сне,
Приятную сердцу картину:
Уютный скверик, дорожки, цветы,
Лужайки, аллеи, тропинки,
Со вкусом подстриженные кусты,
Скамеечек гнутые спинки.
И много спокойно бродящих людей,
И чем-то похожих и разных,
От древних старушек до малых детей.
И занятых чем-то и праздных.
Здесь вместе гуляют казах и грузин,
Чеченец и парень с Рязани,
А азербайджанец и армянин

Друг друга не колют глазами.
Никто не стреляет, не грабит, не бьет,
Не строит межи и границы
И в душу никто никому не плюет,
Не тычет железиной в спицы.
Вот парень старушку к скамейке ведет,
Там кто-то бренчит на гитаре,
Кто дремлет в тени, кто тихонько поет,
А этот «цыганочку» шпарит.
А как же они умудряются жить
Без драки в таком «Вавилоне?»
Друг другу готовы во всем уступить,
Манеры, как в светском салоне.
Неужто не хочется злобу излить
И двинуть кому-нибудь в рыло?
Нам нечего, кажется, тоже делить,
Ан, нет. Чуть не так - и за вилы.
И тут я случайно на арку взглянул,
На миг отойдя от пролома,
Хоть верьте, хоть нет это я заглянул
Во двор «Сумасшедшего дома».
В раздумье смотрел я на тихий приют.
«А вдруг мы ошибочно судим?»
А, может быть, именно здесь и живут
Нормальные, добрые люди?
И с горькой усмешкой подумал о том,
Что сами мы в жутком «Содоме»,
Который мы все перестройкой зовем,
Живем, как в огромном дурдоме.

О Р Е Л

Российское знамя орел украшал.
Грозен был царственный хищник двуглавый.
Правою лапой он скипетр держал,
Левая цепко сжимала державу.
Триста лет он парил в вышине.
Зорко смотрел на восток и на запад.
Судьбы народов в огромной стране
Крепко держали когтистые лапы.
Серп и молот орла подсекли.
Семьдесят лет он пылился в подвале.
Нынче его отыскивали в пыли.
Что-то подчистили, подмалевали.
Вновь он взлетел на Российский штандарт,
Уселся, размял онемевшие лапы.
Вперед посмотрел, оглянулся назад,

Зорко взглянул на восток и на запад.
Головы кругом пошли у орла,
Чуть не свихнулся, хотя и двуглавый,
Там, где когда-то держава была,
Нынче рогатки, границы, заставы,
Горько вздохнул изумленный орел,
Топнул с досады тяжелою лапой,
В недоумении крылья развел
И, оскорбясь за отчизну, заплакал.

НЕ ВАЖНО КАКОЙ У ДЕРЖАВЫ ГЕРБ

Не важно какой у державы герб,
Лишь бы державой была.
Будь это меч или молот и серп,
Бабочка или пчела.
Если держава крепка и сильна,
Единая, как монолит.
Друзей и врагов выбирает она
Так, как ей Бог велит.
Если ослабли и тело и дух,
Или же разум подвел,
То не помогут ни лев, ни петух,
Ни даже двуглавый орел.
Гордо носила Отчизна свой герб,
Гимн не стеснялась петь.
Не всем по нутру были молот и серп,
Но приходилось терпеть.
Решили сменять «Инструмент» на орла,
Колосья изгрызла мышь.
И вот уж соседи из-за угла.
Машут на птицу: «Кыш»!
Стало привычным указывать нам
Как нам в России жить.
Скоро, как пакостным пацанам.
Уши начнут крутить.
Тут бы вскипеть, возмутиться орлу,
Всех развернуть назад,
Взять бы березовую метлу
И дать наглецам под зад.
Но внутренний голос твердит: «Не блефуй,
Можешь попасть впросак,
А если Америка скажет «фу»?
Европа поймет не так?
И тут у орла приключился запор,

Как-будто он скушал скоч.
Впрочем, подобный вести разговор.
Что воду в ступе толочь.
Главное надо усвоить себе,
Мала, велика ли страна,
Не важно что у нее на гербе,
Она быть Державой должна.

ВЫБОР

Вчера мы были братья, кунаки
И не было в стране «горячих точек»,
Сегодня где-то в ход пошли штыки,
А кто-то за углом кинжалы точит.
Вчерашний друг, не знаю от чего,
Еще пока довольно неумело,
Разглядывает друга своего
Сквозь прорезь автоматного прицела.
Я детство вместе с шорцами прожил,
С кем только не пришлось работать вместе,
С татарами и немцами дружил,
Всю жизнь люблю украинские песни.
А нынче, на шестом десятке лет
Вдруг узнаю, что я «тиран Молдовы»,
Что я всю жизнь татарам застил свет,
Что я «могильщик украинской мовы»,
Что в Карабахе по моей вине
Молодку, схваченную на дороге,
Насильник, обесчестив, бросил в снег...
Он отнял честь, а холод отнял ноги.
А на Днестре, на левом берегу
Молдавский полисмен не по солдатам,
А злобно, как по лютому врагу,
По акушерке бьет из автомата.
Неужто нам не суждено понять
Причин того, что происходит с нами?!..
А, может, просто голову поднять
И приглядеться к этим, что над нами?
Они опять на тяжкий грех идут,
По языкам и верам делят паству.
В борьбе за власть по-прежнему в ходу
Привычный метод - «разделяй и властвуй»,
Они все так же борются за власть,
Хоть рядятся теперь под «демократов»,
А у самих, как камень, про запас
За пазухою - партбилет припрятан.

Очнитесь, люди! Вспомните, кто вы!
Ведь много лет назад, не для забавы,
Не ради лишнего куска жратвы
Слились народы в мощную державу.
Иначе вновь в погоне роковой
За дикой волей обретем неволю,
Начнем кровавый путь двухвековой
От скорбной «Калки» к «Куликову полю».

ЗА ЧТО ТЕБЯ, РОССИЯ, БОГ КАРАЕТ?

За что тебя, Россия, Бог карает?
В иных державах ценят мир и лад,
Хранят, лелеют вековой уклад.
Тебя же постоянно раздирает,
На части рвет бессмысленный разлад.
Тебе по силам быть цветущим садом,
Ты ценностями до краев полна,
Народными умельцами сильна,
А ты доселе светишь голым задом,
Великая, несчастная страна.
То мчатся вихрем, то плетутся годы,
Меняются режимы и вожди,
Посул предвыборных обильные дожди,
Прямые обращения к народу.
И уговоры: «Верь, надейся, жди!»
И все пекутся о народном благе,
До слез несчастных стариков любя,
Об инвалидах и больных скорбя.
Но слезы высыхают на бумаге,
А блага создаются для себя.
А ты ждала и дождалась, Россия,
Кровавых дней начала октября,
Когда во зле безумие творя,
Тебя народной кровью оросили,
И вновь возшла кровавая заря.
И вновь пошли войною брат на брата,
Друг другу власти предъявили счет,
Гранатометом затыкая рот.
Не ты, Россия, в этом виновата,
Не твой нуждой затюканный народ.
А те, кому нужна такая свалка,
Под выстрелы не подставляют лбы,
И не для них сосновые гробы.
Когда вверху большая перепалка,
Трещат одни мужицкие чубы.

Ты, моя боль и мечта

Я ЛЮБЛЮ РОССИЮ

На свете много разных стран
Богатых и красивых
И хоть у нас не жизнь, а срам,
Но я люблю Россию.
Готов ее боготворить
За душу нараспашку
И за готовность подарить
Последнюю рубашку.
Пусть плохо ей, но все пройдет,
Она беду осилит.
И все-таки свой путь найдет
На то она - Россия.

ПАМЯТЬ ПОТОМКОВ

Любой из нас, живущих на земле,
Не прочь остаться в памяти потомков.
Пусть носим мы портфель или котомку,
Живем в лачуге или же в Кремле.
Пусть наши взгляды им не подойдут,
Поступкам нашим будут возраженья,
И пусть нам по заслугам воздадут,
Но только не откажут в уваженье.
Хотя, за что нас внукам уважать?
Мы разве наших дедов уважали?
И тех, что их могилы оплевали,
Мы разве попытались удержать?
И никому не показалось хамством,
Что на того, кому глядели в рот,
Наш зубоскал с израильским гражданством
С эстрады вылил грязный анекдот.
Уже как-будто все перевернули.
Давно ушли и Павлов, и Рыжков,
В слезах грызем Гайдаровы пилюли,
А все еще клянем большевиков.

Валить на «бывших» стало общей страстью.
Легко пенять на прошлогодний снег,
Куда сложнее распорядиться властью
И накормить народ в своей стране.
Но некогда - мы все крушим, ломаем,
О вандализме «коммуняк» трубя,
Всех гадим, одного не понимая:
- Не их мы унижаем, а себя.

В ЭЛЕКТРИЧКЕ

Я еду в электричке
К внучатам в Барнаул.
Дорожные вещички
Под лавочку втолкнул.
Все по местам расселись,
Закрылся рот дверей,
Колеса завертелись
Быстрее, быстрее, быстрее...
За окнами мелькают
То поле, то бугор,
В вагоне возникает
«Серьезный» разговор.
Плывут назад платформы,
Густеет тьма в лесу,
А люди про реформы,
Про хлеб, да колбасу.
Разбились на «палаты»,
Наперебой галдят,
Как будто депутаты
В парламенте сидят.
Кто Ельцина ругает,
А кто наоборот,
А кто-то намекает:
- Грядет переворот.
Пеняют на министров,
Пеняют на совет:
- Уж больно все речисты,
А пользы нет и нет.
И, что обидчик главный,
Скорей всего, Гайдар.
- Видать, не православный.
- Должно быть из татар.
Бежит состав сквозь темень.
В вагонах вспыхнул свет,
А надоевшей теме
Конца, похоже, нет.
Что толку в этом споре?

Я ощутил тоску
О милом разговоре,
Привычном мужику.
Чем мучиться вопросом
- Кто прав? Кто виноват?
Уж лучше про покосы,
Про чушек и телят...
Но тут состав с разгона
Над Обью громыхнул,
И замелькал неонем
Вечерний Барнаул.
Плеснулась из вагонов
Толпа, я вслед за ней
По темному перрону
Пошел на свет огней.

ВЫХОД

По одному и кучкою
Идем мы за получкою,
Но говорят: «Напрасно, мужики,
К несчастью для нации
В связи с гиперинфляцией
В разнос пошли печатные станки.
Но только зря канючите,
Вы все свое получите,
Ведь нынче не партийный произвол,
Не выгорит с купюрою,
Расплатимся натурою.
Короче, получай, что произвел,
Возьмут бетон бетонщики,
Сукном возьмут суконщики,
Шахтеров отоварят угольком,
Получит шинник шинами,
А оборонщик - минами,
Боксер свое получит кулаком».
Мы долго не базарили,
И вот уж на базаре мы.
Хотя лютует на дворе мороз,
Запарились, как лошади,
А по базарной площади
Деповцы дружно катят паровоз.
Везут бетон бетонщики,
Сукно несут суконщики,
Шахтер припер телегу с угольком,
Торгует шинник шинами,
А оборонщик - минами,

Боксер торгует крепким кулаком.
Торгуем день, торгуем два,
Туда, сюда везем товар.
Шахтер от злости стал черней угля.
Всех затянул в круговорот
Такой товарооборот,
Но денег в обороте - ни рубля.
Теперь ни врозь, ни кучкою,
Не ходим за получкою.
Печатники все так же на мели,
Но не сломили нацию
Ни кризис, ни инфляция,
Мы на иную пищу перешли.
Грызут бетон бетонщики,
Жуют сукно суконщики,
Шахтер набил желудок угольком,
Объелся шинник шинами,
Похуже дело с минами.
Боксер семейство кормит кулаком.

МНЕ РОССИЯ ПРАВИТСЯ

Часто люди хвастают,
Что по миру шастают.
Только я кайфую в Городке
Хлюпаюсь до одури
В самодельном озере,
Греюсь на щебеночном песке.
Мне поют о Греции,
Варне и Венеции,
Только я на это возражу:
- Что мне эта Греция?
Здесь моя Венеция.
Варна, Барселона и Анжу.
Воспевать не надо мне
Кордильеры с Андами,
Что мне Пиренеи и Памир?
Если только влезу я
На «хребты» разрезные,
То увижу весь подлунный мир.
Кто-то был в Америке
И почти в истерике
Хвалит заграничное житье,
А Россию-матушку
Костерит «по матушке»
И вздыхает: «Каждому свое»,
Позабыл наверное:

Зависть-чувство скверное.
Бог навстречу. Пусть живут себе.
Может мы и круче их,
Но зато живучее.
Выживем и в выхлопной трубе.
Хорошо в Австралии,
Может и в Италии,
Может быть сытее нет житья.
Пусть от жира плавятся,
А мне Россия нравится
Бедная, больная, но своя.

РОДИНА

Стаями голуби кружатся.
Тянутся к небу цветы.
Солнце купается в лужицах
Родина, все это ты.
Ты, моя близкая самая,
Ты, моя боль и мечта.
Ты, моя жизнь и судьба моя.
Бездна и высота.
Стелется кружево снежное
Складками белой фаты
И тишина безмятежная...
Родина, все это ты.
Чистая трель соловьиная.
Храмов святые кресты,
Русская песня старинная...
Родина, все это ты.
Избы твои закопченные,
Броды, ухабы, мосты
И терема золоченые...
Родина, все это ты.
Верная, непостоянная,
Добрая до простоты,
Святая и окаянная...
Родина, все это ты.
Ты, моя близкая самая.
Ты, моя боль и мечта.
Ты, моя жизнь и судьба моя.
Бездна и высота.

ВЛАДИМИРУ ВЫСОЦКОМУ

Я помню, он к рампе, как в бой выходил,
В руках, как оружие, сжимая гитару.

В упор по глазам луч прожекторный бил,
Софиты в лицо польхали пожаром.
Восторгом взрывался неистовый зал,
Услышав с эстрады его монологи,
Они потрясали, как горный обвал.
На нервах натянутых били «Тревогу».
Не вел он с эстрады пустой разговор,
Не лил понапрасну словесную воду,
Короткие фразы секли, как топор,
В мещанстве погрязшего строя колоду.
«Ура» не кричал, дифирамбов не пел, -
Он правду вещал беспощадно и гордо.
И только, казалось, сильнее хрипел,
Когда чересчур наступали на горло.
Обидно и горько - его уже нет.
Взяла его смерть на тернистой дороге.
Но в наши сердца, как на ленты кассет,
Вписались навечно его монологи,
Другие певцы на эстраду пришли,
Повсюду звучат «социальные» песни,
И те, кто трусливо сидели в щели,
Толкая друг друга, на сцену полезли.
Труссы и колготки, в цветочек штаны,
Женподобные парни в помаде,
Ужимки макаки и рев сатаны -
Шабаш царит на свободной эстраде.
Вот, зад оголив, одичавший «артист»
На зрителей скачет с ухмылкой скотской.
И с горьким презреньем на этот стриптиз
Взирает с портрета Владимир Высоцкий.

БИЗНЕС ПО-РОССИЙСКИ

Говорят, мы не средствам стали жить.
Перестали мы копейкой дорожить.
Порешили с этим делом «завязать».
Начинаем производство урезать.
Не по средствам стало шить, вязать и ткать,
Ни к чему нам самолеты выпускать,
Не по средствам стало уголь добывать,
Технологии накладно создавать.
Лишь кузнец по накаваленке стучит
И под нос себе частушечку мычит,
По педали лихо ножкой топ да топ,
Из-под молота выходит молоток.

Ох и здорово работает мужик.
Молот ухает и пляшет. Пол дрожит.
Только негде развернуться молодцу.
Вот бы собственное дело кузнецу?!
Довелось ему Марию повстречать.
От нее узнал, как бизнес свой начать.
Поглядел в ее «жемчужины» чуток,
А она сказала: «Парень - молоток!
Будешь умненьким, как Леня Голубков,
Купишь кузню. Нанимаешь мужиков.
День и ночь стуча, как дятел на суку,
Ты на каждого скуешь по молотку.
И посыплются купоны, как с куста,
Потому что технология проста.
Будешь ты платить валютой мужикам.
Перегоните весь мир по молоткам».
Хоть не нравится программа кузнецу,
А куда еще податься молодцу?
Оборонщики покруче мужики,
Но и их перевели на молотки.
Хоть не зря болтают злые языки,
Что куют в России только молотки.
Что с того, что мы не делаем станков?
Но зато у нас излишки молотков.
Повезем мы за границу молотки,
Продадим и купим новые станки,
А потом все эти чертовы станки
Мы опять перекуем на молотки.
Молотки опять запустим в оборот
И работой обеспечим весь народ.
Не гляди, что мы простые мужики,
Мы и в бизнесе бо-о-льшие молотки.

МОЛИТВА ЗА РОССИЮ

Эра безбожия канула в лету
Ломится в храмы народ.
Кто-то воистину тянется к свету,
Кто «за компанию» прет.
У нищих за место на паперти битва
За власть у богатеньких бой.
Все тянутся к Богу и просто с молитвой
И с откровенной мольбой.
И каждый идет со своею тревогой,
У каждого просьба своя.
И все норовят достучаться до Бога

Решил постучаться и я.
А что мне просить? У меня есть работа
Жена и домашний очаг.
И к жизни пока не пропала охота,
Есть дети и трое внучат.
Что юность прошла? В этом бог не поможет
Не вижу причин для тоски,
И только одно меня очень тревожит:
Живем как-то не по-людски.
Мы столько о наших реформах кричали,
Что мир уж устал хохотать.
Теперь мы и сами о них замолчали.
Живем лишь бы день скоротать.
И верим, что явится новый мессия.
Не даст нам в грязи утонуть,
Поднимет из грязи, отмоет Россию,
Наставит на праведный путь.
Но хуже всего, что мы, как наркоманы,
Привыкли к «планиде» такой.
Пустые желудки, пустые карманы
И в мыслях дремучий покой.
Я очень прошу тебя, праведный Боже,
От тупости нашей избавь,
От равнодушья спаси, если можешь,
О будущем думать заставь.
Внуши, что негоже великой державе
Позволить себя унижать,
Что, если хотим, чтобы нас уважали,
Должны мы себя уважать.
Чтоб мы не по карточным правилам жили,
Чей козырь, тот выиграл кон,
Чтобы наши законы для каждого были
Едины, как Божий Закон.
А чтоб одинаково солнце светило
На весь человеческий род,
Дай нашим политикам воли и силы
Жить так, как живет весь народ.

РУССКИЕ МУЖИКИ

Я вам скажу «без дураков»,
Без ссылок на судьбу и участь:
Люблю российских мужиков
За беспримерную живучесть.
Люблю их крепкий русский дух,

Упорный, словно пестик в ступе.
Их матерей, сестер, подруг,
Что им в упорстве не уступят.
Их, переживших мятежи
И митинговые экстазы,
Неплатежи и падежи,
Постановления и указы.
Должны бы согнуть мужики
(По общечеловечьим нормам).
Нет, живы, шельмы, вопреки
Экспериментам и реформам.
Не просто живы, а живут
И умудряются работать
Без компенсации за труд
И без надежды заработать.
У реформаторов, и тех
Порою не хватает мочи.
В большой тревоге за успех
Они все чаще ездят в Сочи.
Возможно, чувствуя укор
За неудачную обновку,
Толпою ездят «за бугор»
К учителям на стажировку.
Вокруг них толпы докторов.
Для них забота и вниманье.
Мужик обязан быть здоров,
Поскольку пустота в кармане.
Умеет он «держать удар»,
Хоть и «в доспехах» голодранца.
А помести в такой кошмар
Хоть немца, хоть американца?
Заставь-ка их денька на три
В реформы наши окунуться,
И я готов держать пари -
Черед два дня они свихнутся.
Но, к счастью, русский не таков,
И надо за живучесть эту
Ценить российских мужиков.
Других таких на свете нету.

7 НОЯБРЯ

Вновь день 7-е Ноября
Неяркий и негромкий,
Хоть красный день календаря,
Но с черною каемкой.
Не брызнет красками салют

В полуночное небо.
Не жаждет зрелищ русский люд,
Пока он жаждет хлеба.
Но слов нельзя ни зачеркнуть,
Ни выкинуть из песни,
И пройденный Россией путь
Не изменить, хоть тресни,
И как бы все, кому не лень,
Его не поносили,
Но праздник этот - важный день
В истории России.
И пусть опять в России пост
И дней все больше праздных,
Мы все-таки поднимем тост
За этот важный праздник.

СОН КАПИТАНА

Звучат фанфары. Машут вслед платки.
Обжитые казармы покидая,
Уходят из Германии полки
Домой, где их никто не ожидает.
Не ждут их ни дворцы, ни терема,
Ни теплые, ухоженные хатки.
Их ожидает лютая зима.
И на снегу зеленые палатки.
Палатки по линейке, как в строю,
Вокруг торчат ракеты без прицелов.
Под сенью их в брезентовом раю
Встречают зиму семьи офицеров.
Подул холодный ветер, снег пошел.
И не к добру раскаркались вороны.
В палатку вдруг решительно вошел
Не кто-нибудь - Министр Оборона.
Поставил у порога чемодан:
- Бери семью. Укладывай монатки.
Живи в моей квартире, капитан,
А я до лета поживу в палатке.
Возможно, что и это не предел.
Осознаешь величие момента?
Со мной министр Иностранных дел
И весь состав Совета Президента.
Нельзя руководить издали.
Нельзя издали любить природу.
И я решил поближе быть к войскам,
Министры и чиновники - к народу.
Внимися за бездействие свое.

Простите нас, бойцы и командиры.
Потом, когда получите жилье,
Вернете нам московские квартиры.
Тут капитан от счастья обалдел.
(Выходит, зря раскаркались вороны)
Обнял Министра Иностранных дел,
Расцеловал Министра Обороны,
Схватил в охапку вещи и понес,
Но второпях о чемодан споткнулся,
Свалился в снег и оцарапал нос.
От боли окончательно проснулся.
Лицо саднит. Морозно. Тишина.
Под шубой дети скорчились баранкой.
Над ним сидит на корточках жена
И трет лицо суконною портянкой.

ЖИВИ, АРМИЯ!

Родилась ты в боях за свободу
«В восемнадцатом грозном году»,
Верой правдой служила народу
И была у него на виду.
Ты хребты супостатом ломала,
И когда призывала: «В ружье!»,
Молодежь наша гордо вставала
Под священное знамя твое,
Что же ныне содеялось с нами?
Или долго живем без войны?
Кто-то бросил в тебя первый камень
Из-за старой кремлевской стены.
Отыгрались за все на бедняге:
За Тбилиси, Афган и Литву.
Осудили за верность присяге,
А потом повели на Москву.
Много слухов бытует в народе,
О безрадостном быте твоём.
И теперь новобранцев приводят
Под знамена твои под ружьем.
Флот ржавеет у пирсов замшелых,
Самолетам горючего нет.
Нет радаров и сбиты прицелы
Пусковых установок ракет.
Разглашаются тайны, секреты,
Разработки, идеи губя,
Очевидно конверсия эта,

Доведет до конвульсий тебя.
Видеть это обидно и гадко.
Очень трудно тебе, но пока,
Вопреки клевете и нападкам,
Ты еще и сильна и крепка.
Эх, ты русская армия наша,
Ты крепка и умом, и плечом,
Если будет наваристой каша,
Все на свете тебе нипочем,
Так храни свою славу и силу,
Гордо Знамя Победы носи.
Будь единой с народом России,
И опорой единой Руси.

ЗА ЖЕЛЕЗНОЙ ДВЕРЬЮ

Гляжу в листы газетные,
На сводки криминальные,
На страсти несусветные,
Убийства, грабежи
И вижу бесконечные
Обряды поминальные
И алтари со свечками
За упокой души.
А ведь они, покойники,
Надеялись и верили,
Что строят основание
Державы правовой.
Они ушли спокойненько
И жизнь свою похерили
Еще до осознания
Ошибки роковой.
А мы все силы тратили
На выбор демократии,
Как-будто платья мерили,
Какие нам к лицу.
Рядились в итальянские,
А то в американские,
Да так и не примерились
К чужому образцу.
Строительство без знания,
Как дом без основания.
Мы так и не освоили
Науки правовой
И потихоньку прятали,
Права и демократию

И личное достоинство
За дверью броневой.
За крепкими засовами
Мы словно арестованы.
Глядим на мир разнузданный
Сквозь дверной «волчок».
Там никого не милуют.
И грабят и насилуют,
А мы, законом взнузданы,
Закрылись - и молчок.
Хотя, что толку плакаться?
Всем невозможно спрятаться
За личную охраню
И собственным полком.
Спасайтесь, как умеете,
Спасайте, что сумеете
За ставнями, за рамами,
В подвале, под замком.
Ах, Русь моя сермяжная,
В бою с врагом отважная,
Никем не победимая,
Ты столько лет была
Реформами измучена
И все терпеть приучена,
Куда-то шла, родимая.
И вот к чему пришла.

ОНИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Опять оживает дворянство в столице,
Опять наступают его времена.
Где ж вы затерялись, поручик Голицын?
Зовите корнета, налейте вина.
На старом Арбате знакомые лица,
Ласкают газетчики их имена:
- Шарман, Оболенский, ах, душка - Голицын!
И мчатся лакеи с бокалом вина.
Из офисов римских, парижских шантанов
Все чаще всплывают то князь, то княжна...
Достать эполеты, наследник Романов,
Надраить корону, надеть ордена!
Уже по окраинам роют окопы,
Грызутся парламенты, смута пошла.
Ищите, корнет, наших бывших холопов,
Поручик, велите подать шомпола!
На бешеной тройке прокатимся к Яру,
Напрасно грустит престарелый корнет.

Дворяне теперь потеснят комиссаров,
А девочек - к нам приведут в кабинет.
Над Доном опять полетят эскадроны,
Умоется кровью Россия - страна,
Не зря же поручик готовит патроны,
А душка - корнет нацепил ордена.

РАЗГОВОР С НАХИМОВЫМ

На скале над тревожно застывшею бухтой
Одиноко сидит седоусый моряк,
Опустил на колени тяжелые руки,
Словно жилы, синеют на них якоря.
На дубленом лице, будто шрамы, морщины,
От соленого ветра поблекли глаза.
Глухо бьется о скалы морская пучина.
А тяжелая капля на щеке, как слеза.
Чайки белыми хлопьями кружат над бухтой
И заходятся в крике, предвещая шторма,
А седому матросу померещилось, будто
Среди лета над морем закружила зима.
И, как будто не море грохочет о скалы,
Сотрясая окраины крымской земли,
А из братской могилы встают адмиралы,
Что за крымскую землю в боях полегли.
Поднялись, огляделись, фуражки надвинув,
По гранитным обломкам взошли на утес,
Подошли к моряку и промолвил Нахимов,
- Как же вы эту землю отдали, матрос?
Мы одиннадцать месяцев насмерть стояли,
Шли в огонь, не щадя живота своего.
Почему ж вы теперь Севастополь отдали?
Как же флоту Российскому жить без него?
- Ты за Крым не вини моряков, Пал Степаныч, -
Отвечает Нахимову старый моряк.
- Не тревожь, адмирал, незажившие раны,
Что в сердцах черноморцев пожаром горят.
Нет, не пал Севастополь в военном пожаре.
Мы не хуже, чем вы защищали его.
Он по пьяному делу соседям подарен.
Вместе с теми, кто кровь проливал за него.
Нас отдали, как быдло, гуртом, втихомолку.
Будто краденый, отняли русский кафтан,
Раскаленным трезубцем пометили холку
И напялили «жовтоблаkitный жупан».
Что правителм нашим до чести России?
Что им Крым, коль готовы Москву распродать.

Мы ж за службу свою ничего не просили,
Кроме права за Родину жизни отдать.
И пока это право у нас не отняли,
Будем драться за русскую честь до конца.
Не дадим, чтоб и флот с молотка распродали.
Ведь в груди кораблей бьются наши сердца.
И, увидев сомненье в нахимовском взоре,
Адмиралу поклялся российский моряк,
Что покуда шумит наше Русское море,
Будет реять над бухтой Андреевский флаг.

НА КРАЮ

Ну, жизнь пошла: разбой, грабеж, обман,
Насилию открыты все границы.
Святая Русь, попавшая в капкан,
Дошла до заключительной страницы.
Измученный народ еще молчит,
Но раненое сердце кровоточит,
Душа в бессильной ярости кричит,
А разум подлость воспринять не хочет.
Бал нынче правят воры, наглецы
О чести даже говорить нелепо.
Что скажешь, коль церковные отцы.
Распродают места в священных склепах.
Что скажешь, коль московский бюрократ
Решает в духе нынешней системы
Судьбу приговоренных ею шахт
Топить! Нет шахты - значит нет проблемы.
И наплевать как люди будут жить!
Такие в филантропов не играют.
Скорей в Москву, патрону доложить,
Что на шажок толкнул Россию к краю.
Она скользит в бездонный тот провал,
Где нищета, где нищенская старость,
Но в глубине, как беспощадный вал,
Вздымается клокочущая ярость.
Не дай, господь, народу озвереть,
Не дай опять друг другу впитаться в глотку.
Но, Боже мой, нет больше сил смотреть,
Как топят нашу жизненную лодку.

ЗЛОБА

Хочу понять, откуда в людях злоба?
Откуда страсть крушить, сносить, ломать,

Свирепость обитателей Чащобы,
Неистовая жажда отнимать?
Припадки злобы катятся волнами.
Наверное, когда-то в черный день
В наш тихий пруд упал огромный камень,
Зло разошлось кругами по воде.
И, только первая волна плеснула,
Людскую ярость выплеснув до дна,
Страну по сердцу шашкой полосула
Свирепая гражданская война.
Волна вторая берег окатила,
Раскинув по песку свой грязный хвост,
И всех, кого смогла, переместила
В тюрьму, на Колыму и на погост.
На третьей - многоглавой гидрой взмыла
Коричневая страшная чума,
И крепко всех нас кровушкой умыла,
Пока не захлебнулась в ней сама.
Четвертая - нам душу веселила,
Все старое ломая в пух и прах,
Когда же все снесла, все разделила,
Восторги улеглись, остался страх.
Но страх, отнюдь, не перед карой божьей,
Сей страх в людской душе давно исчез.
Нет, все банальней - могут дать по роже,
А то, гляди, нарвешься на обрез.
Съедает нас опасная зараза,
Жрет ихнутри, как злополучный «рак».
Не для нее законы и указы,
Ее законы - деньги и кулак.
А методы - насилие, подкуп, взятки...
Мне жаль тебя, несчастная страна.
А по ночам, пока играя в прятки,
Захлестывает новая волна.
Круша заборы, гаражи, теплицы,
Ларьки, деревья, домики в садах,
Идут потенциальные убийцы,
Христопродавцев будущих орда.
А мы все спорим - как осилить злобу.
Ее не утопить в потоке слов.
Надежней будет завязать утробу,
Которая на свет рождает зло.

ДЫМ СВОБОДЫ

Прошло всего четыре года
С тех упоительных времен,

Когда мы славили свободу
Под шелест новеньких знамен.
Свобода слова и печати,
Свобода мыслить и творить,
Ругать и кстати и некстати
И даже правду говорить.
Есть тут, конечно, заковыка.
А в чем? Так сразу не поймешь,
Но правда стала многолика,
Как зауряднейшая ложь.
И в том, что и свобода все же
Дарована не всем подряд.
Как говорят: «С посконной рожей
Не попадешь в суконный ряд».
И афоризм, что нынче в моде,
От истины не так далек.
«Настолько человек свободен,
Насколько полон кошелек».
Горит для сильных факел счастья,
Для остальных - пока дымит,
И даже для Четвертой Власти
Свободы мизерный лимит.
Свободны сильных мира славить,
Свободны их врагов ругать
И иногда проблемы ставить,
Но за флажки не выбегать.
Строптивых сразу в рамки ставят.
И повод к этому найдут.
Теперь цензурой не задавят,
А просто денег не дадут.
И если кто-то спел «не с строчку»,
Или в оценках слишком крут,
На нем тотчас поставят точку,
А то и просто «уберут».
Героя с помпой похоронят,
Тряхнут заржавленным мечом,
О грозной каре потрезвонят.
Да, и закончат ни на чем.
Конечно, проще быть послушным,
На все смотреть сквозь жалюзи,
Чем чистить наш российский нужник,
Копаться в жизненной грязи.
Из грязи трудно выйти чистым,
А в искалеченной стране
Остаться честным журналистом
Рискованней, чем на войне.

САМОЕДЫ

Застыли шахты. Темнота. Ни зги.
Остановились фабрики, заводы.
Друг друга наказали за долги
И встали все (у моря ждать погоды).
От Севера до южных рубежей
Совсем от перестроек обессилев,
В чудовищных тисках неплатежей
Хрипит многострадальная Россия.
Сегодня все кому-нибудь должны.
И отрасли в агонии смертельной
Друг с друга рвут последние штаны.
Да, что штаны? Срывают крест нательный.
Они друг друга заживо едят.
И гибнут в этом хаосе бесследно,
А сверху «реформаторы» глядят
И ждут, чтобы закрыть глаза последним.
Потом, когда все стихнет, испекут
И поднесут

«друзьям» российский бублик.
А нищую Россию повлекут
В печальных ряд «банановых» республик.

А В РОССИИ ЗИМА

В Аргентине жара
И в Бразилии зной.
Экзотический край,
Рай, почти неземной.
Карнавальный угар,
Ритмы самбы шальной
И закатный пожар
Над лазурной волной.
А в России зима,
А в России метель
Нам постелет сама
Снеговую постель.
Но потом будет май,
Как настоящий хмель.
И сведет нас с ума
Соловьиная трель.
А на Маракане!
Гул футбольных страстей.
А ковбой на коне
В перестрелке плетей,

Плач гавайских гитар.
Хочешь пой, хоть пляши.
Этот пряный нектар
Не для русской души.
Можно бросить свой край,
Сгоряча иль во зле,
Как бездомный курай,
Колесить по земле,
Можно пить, пировать,
Но забывшись во сне,
Будем мы тосковать
О родной стороне.
А в России зима,
А в России метель
Нам постелет сама
Снеговую постель.
Но потом будет май
Как настоящий хмель
И сведет нас с ума
Соловьиная трель.

ВСЕ НА ВЫБОРЫ!

Опять нам предстоит голосовать.
За что мы только не голосовали?
Опять должны мы выбрать и назвать,
Кто свой багаж на наши плечи взвалит.
Опять звучит программный перезвон
Очередных «Спасителей России»,
Топча друг друга, лезут, как на трон,
И не жалеют денег, и усилий.
Вот, на экраны вышел кандидат.
При власти, видно, при деньгах, конечно,
Небрежно усмехаясь в аппарат,
По-барски цедит важно и неспешно:
«Моя программа - думать всем, как я,
Не правы те, кто думает иначе,
Кто думает, как я, - мои друзья,
А остальных лишаю передачи.
Я депутатом в Думе стать хочу.
Уж там-то я дровишек наломаю.
Не изберете - воду отключу.
Связь оборву и унитаз сломаю».
Другой по коридорам семена,
Головку наклонив «аля Ульянов».
Картавит бойко: «Выбери меня»

Я не «крутой», но без больших изъянов.
Я подрывной работы не веду.
(Как и полезной), в путчах не замешан,
Не ленинским, другим путем пойду,
Хоть головой на два размера меньше».
А третий предложил программу - блиц.
И рай пообещал через полгода:
«Модель проста - стена вдоль всех границ,
А в середине - счастье для народа.
Порядок наведу в стране родной,
Преступность и коррупцию - под веник
И никаких проблем, кроме одной:
В карманах пусто. Присылайте денег.
И лезут выше, не жалея ног.
Сопенье. Давка. Пламенные речи.
Но как найти такого, кто бы мог
Хоть часть народных бед взвалить на плечи?

ПИР ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ

Море вина. Сотни темных и светлах голов.
Пяtitся раком разинувший рот оператор.
Прямо на камеру, мимо обильных столов
Шествует будущий великоросский диктатор.
А за спиною, пока еще без эполет
Твердо шагают четвертого Райха солдаты,
И огорошенно смотрит процессии вслед
Вновь победившие сами себя демократы.
Только вчера острословы различных газет
Дружно смеялись над сыном злосчастного Вольфа.
Глазом моргнули, а он уж почти Пиночет.
Он, Вольдемар ибн Саддам и наследник Адольфа.
Мудрый политик, попавший в такой переплет,
Прежде винил бы себя, получив оплеуху,
Наши пеняют на неблагодарный народ,
Не посчитавший за благо разлад и разруху.
Темный народ не воспринял великих идей,
Не пожелал он жевать зачерстневшую корку,
Ради блаженства лоснящихся жиром людей,
Сыто рыгающих добрым вином и икоркой.
Глупый народ почему-то не может простить
Дыры в бюджете, несправие, хаос, растраты,
Как и того, что столица не может вместить.
Жирное брюхо растущего госаппарата.
Сколько отвергнутых разных программ и платформ,
Сколько мы страшных ошибок наделали сдуру!

Год, или даже полгода подобных реформ.
И загремим мы опять пряником в диктатуру.
Ну, а пока что шампанское льется рекой.
(Темный народ отработает эти затраты).
Кто-то, слегка перебрав, отошел на покой.
Не прогуляйте Россию, отцы-демократы.

ЗАЛОЖНИКИ

В Суэцком порту жара.
Море расплавил зной.
Вплавился в море корабль,
Как островок стальной.
Над ним бессильно повис
Трехцветный российский флаг.
Словно сползает вниз.
К пропасти делает шаг.
Над портом свирепая сушь.
Плавит посудину зной.
Одиннадцать русских душ
Жарятся в банке стальной.
Бьет их судьба под дых,
Кровь на сухих губах.
Домой проводили двоих,
Но только уже в гробах?
Где - ты, родная страна,
Что матерью прежде была?
Мачехой стала она,
На гибель детей обрекла
Сколько же их, горемык
В чужих городах и портах,
Голодных, нагих, больных
Терпят душевный крах.
Скольким досталась судьба
В бухтах чужих морей
Чахнуть в стальных гробах
На ржавых цепях якорей.
Из этих судов возник
Позорный архипелаг.
Над каждым стыдливо поник
Поблекший российский флаг
Новые господа,
За дракой и кутерьмой,
Забыли выдать судам
Обратный билет домой.
Им глубоко плевать,

Что где-то в родных краях
Грустит о матросе мать,
Каждого ждет семья.
Боже, хоть ты помоги
Скитальцам морских дорог
За чьи-то чужие долги,
Оставленным здесь в залог.
Разума дай господам,
Вознесшимся над людьми,
Чтоб кончился этот бедлам.
Господи, вразуми!

ГРОБ «НАПРОКАТ»

Хоронят старушку на старом погосте.
Печальные трубы над ней не звенят,
Не едут в авто именитые гости,
Лишь скорбно плетется за гробом родня.
Несут, как велит православный обычай,
Сосновый, топорно сработанный крест,
Скрипит на ухабах убогая бричка,
И скрип заунывно несется окрест.
А вот и могилка. Подняли старушку,
Вздыхая, из гроба ее извлекли,
Молясь, завернули в худую дерюжку,
Простились с ней и в могилу снесли.
А гроб, повздыхав, положили на дроги,
Приладили крышку, по пыльной дороге
Покорно обратно в прокат повезли.
- Прости нас, Петровна, что гроб отобрали,
Вскладчину мы брали его напрокат,
Деньгу на него всем селом собирали,
Теперь вот везем домовину назад.
Идут мужики, низко голову свесив,
От мыслей безрадостных хмурятся лбы:
- Старушке на гроб не досталось леса...
Неужто весь лес извели на гробы?
Знать, много нас бедных повымерло, братцы,
Уж больно неважная жизнь пошла.
Помилуй нас, Боже, но может так статься,
Что нас похоронят в чем мать родила.
- Эх, что-то мы, братцы, совсем зажурились,
Хоть сразу тащи нас ногами вперед.
Хлестни-ка лошадку. - И так приподнулись.
Хозяин взъярится и очередь ждет.
Свезли домовину. Народ у конторы

Возврата ее с нетерпением ждал.
Явился хозяин, пыхтящий, как боров,
Проверил комплектность и паспорт отдал.
Вся очередь двинулась сомкнутым строем.
Помощник хозяина глотку дерет:
- Спокойненько, граждане. Всех похороним.
Кто первый? Грузите, но деньги вперед.

ПИСЬМО ОТ ВНУКА

Растроганно заплакал дед Порфирий,
Когда пришел из булочной домой.
Он получил от внука из Сибири
Такое долгожданное письмо.
Устроившись на стареньком диване,
В волнении бородку теребя,
Он стал читать письмо от внука Вани,
Вздыхать, жалея внука и себя.
Ванюша пишет: «Здравствуй, милый деда!
Прошу не обижайся на меня.
Ты долго ждал, что я к тебе приеду,
Я тоже очень ждал такого дня.
Уже и отпускные получили,
Уже пришли с вещами на вокзал,
Но на билеты цены подскочили
(Так папе в кассе дяденька сказал).
Чего они все прыгают и скачут?
Зачем же их куда-то там винтят?
А я сижу и от обиды плачу,
Смотрю опять мультяшки про утят.
Дедуля, мы с моей подружкой Светой,
С которой вместе ходим в первый класс,
Ходили в магазин смотреть конфеты,
Цветные жвачки, «Сниккерсы» и «Марс».
Мне как-то папа с мамой говорили:
Давно, когда они были детьми,
Им дедушки и бабушки дарили
Всегда конфеты «Ну-ка отними!»
Потом я часто вспоминал про это.
Сначала я никак не мог понять,
Кто может у детей отнять конфеты?
Теперь я знаю! Есть кому отнять.
И вот торчим мы в частном магазине,
Завидуем, аж слюнки изо рта,
А за стеклом, в светящейся витрине
Недосыгаемая вкуснота.
А папе снова денег не платили,

А старые истратили давно,
А маму почему-то сократили
И нашу тетю Машу заодно.
Сначала я не знал, что это значит.
Мне это показалось так смешно,
Но почему так часто мама плачет
И тетя Маша с нею заодно?
Дедуля, приезжай. Я так скучаю...
Я так хочу, чтоб ты приехал к нам,
А папа нам с полочки купит к чаю
Конфет в бумажках целый килограмм».
Читал Порфирий горькое посланье,
А голос сел предательски дрожа.
В конце стояла подпись «Жуков Ваня»,
И снова просьба: «Деда, приезжай!»
Умолк старик, задумался уныло,
Посетовал на бедность и беду:
«Я б с радостью приехал, внучек милый,
Да не хватает даже на еду.
Не за свои грехи терплю я муку.
Всю жизнь свою я лишь работой жил,
А нынче денег нет поехать к внуку.
Такую ли я долю заслужил?»

ШАГАЕТ ПРАЗДНИК ПО СТРАНЕ

Шагает праздник по стране,
Ушли в отставку коммунисты,
Сидят в «матросской тишине»,
Закоренелые путчисты.
Теперь бы телогрейку с плеч,
Да дружно взяться за работу,
Да на преступность приналечь...
А уж работать неохота,
Одни снуют по площадям,
Свергая наземь монументы,
Другие - по очередям,
А третьи прячут документы.
А коль в России больше нет
Политруков и комиссаров,
Расставили по всей стране
Чрезвычайных эмиссаров.
И к нам приставлен демократ
С чрезвычайнейшим мандатом,
С тяжелым кольцом у бедра,
Ну, вылитый чекист в тридцатом.
Вот-вот шархнет по столу,

Да скрипнет портупейной кожей
И двинет кольцом под скулу.
Не то? Но очень уж похоже.
Теперь в Кузбассе есть Совет,
Администраторов палата,
Есть и рабочий комитет,
Давно забросивший лопаты.
Есть эмиссар и иже с ним,
Все непрерывно заседают,
Но мысли заняты одним - взять власть,
А люди голодают.
Сюжет для нас, увы не нов,
Не зря крылата стала фраза,
Что у семи опекунов
Дитя, как правило, без глаза.

ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ

Зловещий зеленый свет.
Тихо до звона в ушах.
Как вечность далек рассвет,
До гибели только шаг.
Призрак плывет из тьмы.
Мертвым светясь огнем.
От носа и до кормы
Нет ни души на нем.
Дьявольским оком горят
Топовые огни,
Грешные души в ад
Заманивают они.
Душная ночь тиха,
Но паруса полны.
Примите, дети греха,
Весточку от сатаны.
Если ты струсил хоть раз,
Предал, ограбил, убил,
Знай, что пришел твой час,
Последний твой час пробил.
Ты еще жив пока,
Но жить тебе не дано.
Призрак, наверняка,
Отправит тебя на дно.
Примет тебя океан,
Призрак уйдет во тьму,
И предрассветный туман
Скроет его корму.

СЛЕПОЙ КОТЕНОК

Слепой котенок на дрожащих лапах
Неловко выползает из кутка,
Упорно ищет материнский запах,
Заветный дух парного молока.
Сослепу натываясь на предметы
И оставляя мокрые следы,
Он ищет, он зовет, он ждет ответа,
Пищит, в бесплодных поисках еды.
А мы-то, дети родины несчастной,
Не так ли, как слепые сосунки,
Все ползаем, колотимся напрасно.
Все так же набиваем синяки.
Мы испытали разные структуры:
Монархию, военный коммунизм,
Социализм - все формы диктатуры...
И что ж теперь? Опять в капитализм?
Кто нами правил, не упомнишь разом.
Дворяне, слесари и мужики,
Подверженные старческим маразмам,
Беззубые больные старики.
И все зовут, все счастье обещают,
И все ведут по верному пути...
Но почему тогда народ нищает?
А может лучше самому идти?...
В колхоз его тащили на аркане,
Все, до последней ложки брали в пай,
И вот теперь, когда дыра в кармане,
Добро свое обратно выкупай.
За равную, умеренную плату
При распродаже ценностей и благ
Крестьянин взял хомут, шахтер лопату,
Торгаш приватизировал продмаг.
Что ж, плакали теперь мои талоны,
Ведь все, от спичек до икры и вин,
Бесцеремонно обходя законы,
Везет он только в личный магазин.
А мы все выбираем: то советы,
То ждем, как манны, батюшку царя.
Но большинству из нас на все на это
Давно плевать, по правде говоря.
Неужто мы, как в старом анекдоте,
Начнем завоевателей молить:
... Когда же вы, родимые, придете
Нас поделить, одеть и накормить?
Не может быть! Народ еще воспрянет,

Сумеет вновь преодолеть беду,
Как птица-феникс он из пепла встанет,
Не век же бедолаге жить в аду.

ЦЕНОВОЕ ПОБОИЩЕ

Было мне тогда за полста уже,
Когда встретил я злого врага.
Нас свела судьба на одной меже,
Обошлася мне встреча дорого.
Вроде был силен и душой не слаб,
Смял меня злодей, вот оказия!
Ладно, пил бы я, аль курил хотя б...
Чтоб тебе, злодей, повылазило!
Он душил меня, я орал вздохом:
- Пропадает жизнь, ахти, мамочки!
Я лупил его в его медный лоб,
А ему ничто, все до лампочки.
На горе изба, в ней накрытый стол.
Вижу: пьют, едят, чаем тешатся.
Что есть сил кричу:
- Помогите, мол!
Крою матерно - и не чешутся.
То ли стыд у них не совсем пропал -
Шлют заступницу. Ты гляди-кося!
- Ну, держись, злодей. Не на тех напал!
Чтоб двоих сломать - на-кось, выкуси!
Подошла. Гляжу: «Матерь Божия!».
Надо мной, видать, изгаляются!
Ведь она с перстом ростом схожая!
А злодей глядит, ухмыляется.
А ведь тот злодей - ценовой закон.
С ним мы рать ведем бесполезную.
Ободрал меня, будто липку он,
А заступницу съел болезную.
Жаль. Мала была, да на всех одна.
Ей самой бы жить на дотации.
Хоть непьющий я, осушу до дна.
За помин души компенсации.

НОЧЬ

Где-то полночная птица кричит.
Чахнет в стакане огарок свечи,
Пес на крылечке спокойно сопит.
Мир суетливый не спит.
Метлами шин по асфальту шурша,

Автомобили куда-то спешат,
Сотни людей по дорогам снуют,
Бросив домашний уют.
Льется из окон негаснущий свет,
Знать и под крышей спокойствия нет.
Где-то ругаются, где-то поют
И от бессилия пьют.
Спят на садовых скамейках бомжи,
Тати ночные готовят ножи,
Новый богатенький, сев в уголок,
Денежки прячет в чулок.
Спит россиянин - святая душа.
Что ему тать? За душой ни гроша
Не привлекает двуногих волков
Бездна пустых кошельков.
Царство кремлевское в радужных снах,
Лишь караулы не спят на стенах.
Русь тяжело копошится во мгле
Шествует ночь по земле.

РУССКИЙ ВОПРОС

На великих просторах Руси
В стародавнее смутное время,
Меж ветвистых берез и осин
Обитало могучее племя.
Хлеб растили, скотину пасли,
Злого вепря рогатиной брали,
Свято землю отцов берегли,
Пот и кровь за нее проливали.
Сами впроголодь жили порой,
Но с голодным последним делились,
За свободу стояли горой,
Русской силой и славой гордились.
Не считали чужого добра -
Зависть русичам не пристала...
(Правда, было все это вчера)
Что ж теперь с россиянами стало?
Гордость русскую бросили в пыль:
Ах, японцы! Ах, шведы! Ах, янки!
А в конторах научная гниль
Душит гениев на смех загранке.
Все долдонят о «русской сохе»,
Дескать, русские все бестолковы...
Кто ж тогда заграничной блохе
Присобачил на лапы подковы?
Чей талант изобрел паровоз?

Чей топор чудо-храмы построил
Кто Гагарина в космос вознес,
Ледяные просторы освоил?
Так куда ж нас опять понесло,
Что за склоками не замечаем,
Как великой державы чело
Мы дурацкою шапкой венчаем?
Мы идеи за грош продаем,
Иноземцам патенты «спускаем»,
А потом на поклон к ним идем,
За валюту свое покупаем,
Что ж себя мы унизили так?
Сколько дров мы уже наломали!
Надо сбросить дурацкий колпак,
Чтобы шляпы пред нами снимали.

УЧИТЕ РУССКИЙ, ГОСПОДА

Язык российский так свободен,
Так многогранен и велик,
Что без сомнения пригоден
Для всех народностей Земли.
Богаче он от века к веку.
Что там страна или народ,
Ведь в нем к любому человеку
Есть свой особенный подход.
На нем со старцем можно «баять»,
С любимой можно «ворковать»,
Соседа запросто «обляять»,
Ну, а с пожарным - «заливать»,
С «чувихой» принято «базарить»,
«Травить баланду» с моряком,
С казачкой - весело «гутарить»,
С соседкой - «ляскать языком».
С друзьями можно «потрепаться»,
И «почирикать» с ребятней,
С интеллигентом «пообщаться»
Или «посплетничать» с родней.
Блатные «ботаю по фене»,
А наверху, в кругу вельмож
«Идет процесс обмена мнений»,
А в просторечии - «галдеж».
Мы вправе языком гордиться,
Он всех намного перерос,
А чтобы в этом убедиться.
Ответьте на один вопрос:
«Язык какой из сущих наций

Дает возможность сотворить
Такую уйму вариаций
К простому слову «говорить?».
Язык наш прост и всем понятен
Язык для смертных и богов
Для уха друга он приятен,
Но вянут уши у врагов.
А если кто-то в жарком споре
Не хочет вас понять, тогда
Скажите скромно, но в мажоре,
«Учите русский, господа!».

ЧУЖОЙ ЯЗЫК

Мы помним по словам Тургенева
Как был правдив, могуч, велик
Язык певцов, героев, гениев -
Народа русского язык.
В нем - музыкальность итальянского
И деловитость англичан,
В нем и величие испанского
И легкий юмор парижан.
А вот теперь мужам ученым
Вдруг стал не мил родной язык
Иным же, властью облеченным,
Он, как чужой кафтан, велик.
Язык российский в мире славится,
Он выразителен, красив.
За что же им он так не нравится?
Уж не за то ли, что правдив?
И вот в «труды» свои пространные
Они, как мусор из углов,
Сметают фразы иностранные
Из громких, но туманных слов.
И стыд им душу не царапает.
Сперва твердили: «Коммунизм».
Теперь опять на темя капают:
«Консенсус, вотум, плюрализм».
И словно правде эпитафия,
По перепонкам бьют слова:
«Маркетинг, бизнес, рэкет, мафия...».
От звона пухнет голова.
О, если бы случилось Пушкину
Услышать «сущий здесь язык»
Что уваженье к слову русскому
Хранит лишь «друг степей - калмык».
Он все бы проклял к маме бесовой

И, чтоб не слушать этот срам,
Не ждал бы выстрела дантесова,
А с горя застрелился сам.

КРЕСТЫ

Мы, русские, доверчивы, просты:
Творим себе кумиров, верим в чудо.
Не потому ли и живем так худо
И так привычны на Руси кресты.
Кресты блестят на маковках церквей,
Кресты стоят, как вехи на дорогах,
Кресты на сельских кладбищах убогих,
Кресты вокруг сибирских лагерей.
Кресты лежат, как павшие в бою,
На братских неухоженных могилах,
Кресты на шеях странников унылых,
Влачащих по Руси беду свою.
Мы все бредем, не ведая о том,
Что ставят нам кресты и ямы роют
И новые кумиры и герои,
Как рыли те, что нынче под крестом.
О, господи! Когда нам надоест
Крестами мерить русские дороги?
Когда на жизни серой и убогой,
На рабской жизни мы поставим крест?

БОЙЦЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

Головы кружит, как флюгер на тоненькой спице,
Митинги, сессии, съезды, потоки речей...
Светел желудок, промытый «тяжелой» водицей,
«Шкура» прокурена смрадом фабричных печей.
Рай обещают программы различного толка,
А на талоны опять ничего не дают,
Зубы пылятся на голой, как лысина, полке,
Хилые десны бумагу талонов жуют.
Ноги в кирзухе, костюм от портного из зоны,
Но и его, словно девичью честь, бережем -
Если порвется - придется рядиться в кальсоны,
Иль по-разбойничьи брать зипуны грабежом.
Часто стрельба, как в худом детективном романе,
Перекрывает привычный парламентский звон.
Много «хозяев» шныряет в народном кармане,
Много законов, но правит лишь волчий закон.
Русью торгуют за мелочь - от пенсов до центов.
Рвут на куски, как потрепанный «тришкин кафтан»,

В каждом селе «коронуют» своих президентов,
В каждом ауле «тюрбанится» шах аль султан.
Выживем - ладно, умрем - на «верху» не заплачут,
Может и тихая радость плеснется в душе,
Легче им будет теперь, загорая на дачах,
Строить оставшимся будущий «рай в шалаше».
Если ж нас намертво новой программой накроет,
Дружно погибнем мы с верой в какой-нибудь «...изм»,
С благостной мыслью, что над опустевшей страной
Будут парить Демократия и Плюрализм.

ЗАЧЕМ?

Ужасно надоели болтовня,
Интриги, межпартийная шумиха.
В столице бесконечная грызня,
В стране развал, разлад, неразбериха.
Сжирают нас деляги всех мастей,
Жиреющие на людском несчастье,
Позорное бессилие властей
И мафии преступное всевластье.
Мне больно, что ограбленный народ
С трибун высоких, площадей, экранов,
Опять влекут в крутой водоворот
И гонят друг на друга, как баранов.
Великий Сергей Русь благословлял
«Единой быти против супостата»
Он на единство паству наставлял.
Так что ж вы брата травите на брата?
Зачем святой отец святым постом,
Забыв смиренность, злобный и горластый,
Как кистенем, вооружаясь крестом,
На мордобой подзуживает паству?
Зачем же ты, народный депутат,
Ухоженный, обласканный судьбою,
Подняв народом выданный мандат,
Народ же призываешь к мордобойю?
И некому Россию увести
С порочного, трагического круга.
Все норовят хитрее сеть сплести
Клянясь в любви и, вновь кляня друг друга.
Нас клятвами уже не удивить.
Зачем же, багровея от усилий,
Кричать с трибун о пламенной любви
К народу, Богу, матери-России?
А люди стонут от такой любви,
Хрипит Россия в ласковых объятьях,

И праздничные улицы в крови,
И вместо здравниц - стоны и проклятья.
А вместо горизонта чернота,
Слепым котенком бродит Русь в тумане.
А в душах безысходность, пустота
И та же пустота в пустом кармане.
Зато - свобода, а по сути - срам.
Что хочешь делай: грабь, насилуй, хапай.
Чтоб грех отмыть - пожертвуй рубль на храм,
Чиновнику - зелененьких на лапу.
О Русь, ты падаешь. Уже не мчишься ты,
Подобно резвой, разудалой тройке.
Где грань паденья? У какой черты?
Где финиш бестолковой перестройки?

НИЩИЙ

В придорожную пыль опустилс я убогий калека,
Изможденное тело, в глазах безысходности мрак,
И униженно ждет: «Может, дрогнет рука человека,
В заскорюзлую шляпу уронит потертый пятак».
Он поднимет монету, шепча: «Помоги тебе, Боже».
В благодарном поклоне согнется худая спина.
- Что ж, спасибо, старик, только вряд ли
Господь нам поможет,
Если нищею стала великая прежде страна,
Если рабскую сущность нам накрепко вбили в сознанье,
Кандалами апатии скованы наши умы,
Если плату за труд принимаем мы как подаянье,
Значит, все мы созрели для лямки холщовой сумы.
Мы за счастьем гнались, мы торили дороги и тропы.
Оказалось, вели нас не те, не туда и не так.
И стоим мы теперь у порога богатой Европы
И униженно ждем: может, бросят нам в шляпу пятак.

А НА ДИКОМ ЗАПАДЕ

От Аляски к западу, за проливом Беринга
Широко раскинулась дикая страна.
Там добра не считано. Там добра не мерено,
Но, как мышь церковная, нищая она.
Билли перед глобусом, в обществе сенаторов
На страну бесхозную жалостно глядит.
Деловито щелкая микрокалькулятором.
- Как прибрать, родимую, под какой кредит?
А на диком Западе золото с алмазами,
А на диком Западе нефтяной разлив.

Можно стать Рокфеллером, можно стать Онассисом
Если только переплыть Берингов пролив.
А стальные айсберги, что в проливе плавали,
И ракеты целили аж на Вашингтон.
Частью разбазарили, частью переплавили
Остальное сплавляли догнивать в затон.
Мы бы их прищучили с этими данными,
Если б не загадочный этот русский люд.
Встанут бородатые мужики с берданками,
А мужик разгневанный в драке шибко лют.
Не с руки Америке брать Россию силою,
Лучше дать ей, глупенькой, денежки в заем.
А проглотит денежки и попалась милая,
Тут ее, голубушку, тепленькой возьмем.
Потечет в Америку золото с алмазами,
Хлынет в трюмы жадные нефтяной разлив.
Новые Рокфеллеры, Морганы, Онассисы
Строят из «зелененьких» мост через пролив.

СТРАНУ МЕНЯЮТ НА ХАРЧИ

Царь Петр в кафтанишке помятом,
Трудясь на верфях, жилы рвал,
В трудах и битвах с супостатом
Для нас державу создавал.
И слава о Руси Великой
Из края в край земли пошла.
Что там Сибирь и Север дикий -
Аляска русскою была.
Екатерину поносили
Что женской чести не блюла,
Зато в боях за честь России
У турок Крым отобрала.
При Николашке самураи
Взялись кусать российский блин,
Побили нас в Маньчжурском крае
И проглотили Сахалин.
Однако, наш тиран жестокий
Не только все назад вернул, -
Курильский поясок широкий
Вокруг Приморья застегнул.
И лишь любитель кукурузы,
Рубаха - парень, балагур,
Опять Россию оконфузил -
Отдал китайцам Порт-Артур.
Теперь берутся за Курилы.
По всей Руси идет молва,

Что восходящее светило
Накроет наши острова.
Россия битой бывала,
Два века под ярмом брела,
Зато собой не торговала,
Продажной девкой не была.
Но сутенеры из столицы,
Ссылаясь на благую цель,
Кусок России, как девицу,
Влекут в Японскую постель.
И повод вроде подходящий,
Ведь на Курилах нищета,
Хоть и народ там работающий,
А «под японцем» жизнь не та:
Катайся в новеньком «Ниссане»,
Смакуй японские харчи,
Звени иенами в кармане,
Да иероглифы учи.
А как же быть со всем Союзом?
Всем надоело голодать,
Все «щеголяют» с голым пузом,
Так, может, всю страну продать?
Китайцам - земли на Амуре,
Японцам - весь Приморский край,
Кому Читу? Байкал? Усури?
- Ставь магарыч и забирай.
Сибирь оставим для Кучума,
Крым снова туркам продадим.
А Балтику? Чего тут думать?
За тряпки шведам отдадим.
Россию к ФРГ приставим,
Чтоб далеко не уезжать,
Москву - парламентам оставим,
Пусть продолжают заседать.
Уж досиделись до такого,
Что совесть русская молчит,
Когда «птенцы гнезда петрова»
Страну меняют на харчи.

БОГ НЕ ВЫДАСТ...

Собирался мужик на войну,
Чтоб спасти от набега страну.
Уцепилась жена за кушак:
- Пропадешь, непутевый лешак!
Лучше б дома ты, старый сидел,
Брагу пил, да «Марию» глядел,

А пойдешь басурмана имать,
Он покажет те «Кузькину мать».
Отмахнулся мужик: - Ничего!
Мы еще поглядим, кто кого!
Не загадывай, бабка, вперед.
Бог не выдаст, свинья не сожрет».
Сунул в пазуху сало и хлеб,
Взял дубовый испытанный цеп,
Четвертинку у женушки спер
И на ворога буром попер.
А злодей уж поганит страну
И грозит: Всех сожгу и сомну!
Предо мной все живое дрожит!
Берегись, сиволапый мужик!
Матюкнулся мужик: «Ничего!
Мы еще поглядим, кто кого!
Не грозись, басурман, наперед!
Бог не выдаст, свинья не сожрет».
Тут уж вовсе злодей осерчал,
Саблю выхватил, как зарычал...
А мужик ему: «Тихо, милоч!
Я те щас причешу хохолок!».
Он цепом тяжеленным взмахнул,
Как по бритому лбу звезданул,
А потом по загривку хватил...
Басурман и глаза закатил.
Поделом тебе, щипанный гусь,
Не замай православную Русь
И запомни, злодей, наперед:
- Бог не выдаст, свинья не сожрет.
Басурмана мужик победил
И с позором назад проводил,
Бросил наземь оружие свое
И присел отдохнуть на жнивье.
Четвертинку в руке раскрутил,
Выпил, крикнул, сальцом закусил.
И, лаптями шурша по стерне,
Полегоньку потопал к жене.
Хорошо на душе оттого,
Что побил он врага своего.
Знать недаром толкует народ:
«Бог не выдаст, свинья не сожрет!».

ПУТНИК

Стихла пурга,
Уснула тайга,

Мертво во тьме
Белеют снега,
После безумия
Злая, угрюмая,
Спит под снегами тайга.
Жутко в ночи -
Даже эхо молчит,
Сердце в груди
Гулко стучит.
В диких чащобах,
Скрывшись в сугробах
Эхо лесное молчит.
Трудно шагать,
Давит тайга,
Тяжесть свинца
В усталых ногах.
В мире заброшенном
Тяжкою ношей
Давит на плечи тайга.
Надо дойти,
Не сбиться с пути.
Старушка-луна,
Путь освети,
Отсветом робким
Высвети тропку,
Дай мне до цели дойти!

НЕПУТЕВЫЙ ЖОКЕЙ

Кружится по орбите.
(Что ни год - оборот),
Вечная наша обитель,
Храня человеческий род.
По бесконечному кругу
Мчится, хрипя на скаку,
Чувствуя брюхом подпругу,
Острую шпору в боку.
Дрожь пробегает по телу.
Мышцы от боли свело.
Видно жокей неумелый
Взгромоздился в седло.
Видно, что сбитую спину
Он не намерен жалеть.
Словно худую скотину,
Гонит хвостатая плеть.
В бок ей вонзается грубо
Шпор Круговая пила.

Рвут ей безжалостно губы,
Зубы дробят удила.
Тяжко бежать на разбитых,
Окровавленных ногах...
Только б не сбиться с орбиты
И не рассыпаться в прах.
Если ж такое случится,
Сгинет она. Вместе с ней
В небытие растворится
И непутевый жокей.

БОЛОТО

Скрипят сухие лезвия осоки.
Болото. Ряска на воде ковром.
Густая чернота трясинных «окон»
Зловонно дышит алчущим нутром.
Мертво вокруг. Тяжелый запах тлена.
Лишь стонет выпь, как грешница во сне.
Да чахнут три березки по колено,
Увязшие в болотном зыбуне.
Бреду, с трудом передвигая ноги.
Слегу не в силах удержать рука.
И нет конца мучительной дороге,
Ни кочки впереди, ни островка.
И нет болоту ни конца, ни края.
Ищу тропу березовой слегой,
Из вязкой жижи ноги выдирая,
Бреду, как заведенный, час, другой.
Я пленник этого гнилого мира.
Нога едва нащупывает твердь.
Трясина понадежней конвоира.
Шаг в сторону - мучительная смерть.
Бреду вперед. Куда приду - не знаю.
Как кандалы, растительная слизь.
И постепенно верить начинаю,
Что это не болото - это жизнь.
А в жизни пролегла тропа - судьбина.
И нужно точно на тропу попасть.
Неверный шаг - и алчная трясина
Сомкнет над головой сырую пасть.
А выдержать, остаться на дороге,
Помогут не взывания к богам,
А сила рук, выносливые ноги
И разума надежная слега.

СОМНЕНИЕ

Медленно капает, капает, капает время.
Капли - минуты сливаются в реки часов.
Давит на плечи сомнений тяжелое бремя.
Гири поступков ложатся на чаши весов.
Старыми клячами тащутся серые будни.
Резвым аллюром пронесутся светлые дни.
Может быть это наш крест и другого не будет,
Или зажгутся во мраке тоннеля огни?
Жизнь - эта дикая всадница - нас оседлала,
Шпоры вонзила в бока и, привстав в стременах,
Властным посылом препятствия брать заставляла,
Брызгала с порванных губ кровавая слюна.
Время уходит в метаниях, поисках смысла.
Кажется, правильно жил, как и следует жить,
Только на нитке сомнений тревога повисла,
Вечно грозящая рухнуть, подмять, раздавить.
В каждом из нас есть, наверное, капля сомненья.
Жить без сомнений способен лишь круглый дурак.
Капля сомненья спасает от грехопаденья,
Светлой душе не дает погрузиться во мрак.

ВОЗДУШНЫЙ ШАР

Пронесся вихрь. Разорваны растяжки
И прынул в небеса воздушный шар.
Как дикий конь, не знающий упряжки,
Он взвился, вольным воздухом дыша.
Внизу все стало мелким и убогим.
Таким непрочным стал привычный мир.
В корзине шара мечется в тревоге
Его пилот, скорее пассажир.
Все начиналось ярко и красиво.
Все на него смотрели снизу вверх.
Он взмыл над ними гордый и спесивый.
Он сам себе казался выше всех.
А купол шара тучи подпирает.
Не каждому по силам высота.
Пилота уж не гордость распирает,
А к горлу подступает тошнота.
Он в панике хватается за стропы...
Все предвещает скорую грозу.
Те, кто могли спасти от катастрофы,
Увы, остались далеко внизу.
И шар уже летит по воле рока,

Преодолев запретную черту,
И в струях нисходящего потока
Стремительно теряет высоту.
Нет. Это больше не было полетом.
Огромный купол съезжился, погас,
А тот, кто называл себя пилотом.
Вдруг превратился в тягостный балласт.
Удар. И купол на камнях распластан.
Огромный шар упал, как сбитый в лет...
Когда пилот становится балластом
Трагедией кончается полет.

КРУШЕНИЕ МЕЧТЫ

Роняя слезы на мехи баяна,
На черный лак из-под прикрытых век,
Пьет водку из граненого стакана
Несчастнейший, из смертных человек.
Он был подвержен беспредельной страсти,
До гроба предан музыке одной.
В вопросах быта, по житейской части
Он был, как скажут лабухи, смурной.
Считайте это блажью ли, изъяном,
Но не встречал я верности такой.
По-моему, он даже спал с баяном.
Чтоб был в любое время под рукой.
Такая жизнь его не тяготила,
Не злила репетиций маета.
До нынешнего дня ему светила
Единственная, светлая мечта.
Родится сын с наследственным талантом,
Веселый симпатичный сорванец.
И непременно станет музыкантом
В баян влюбленный, как его отец.
И, наконец, увидел свет сынишка.
Здоровенький, с румянцем на щеках.
Но вызвал отец от горя над мальчишкой -
Родился сын без пальцев на руках.
Все разом, вдруг обрушилось, сломалось.
Рассыпалась заветная мечта.
Для счастья в сердце места не осталось
Остались горе, боль и пустота.
За что судьба-злодейка покарала?
За грех какой обидела его?
Была одна мечта и ту украла.
Теперь все в прошлом. Дальше ничего.
Он пьет и плачет, сломленный судьбою,

Над жизнью, исковерканной навек,
Над сыном, над мечтой и над собою.
Еще вчера счастливый человек.

ТРОЙКА

Степь ночная под белым покровом лежит,
Погруженная в призрачный сон.
По степи запоздалая тройка бежит,
Бубенцы льют серебряный звон.
Напевают ямщик, чтоб совсем не заснуть.
Скрылся месяц в дыму облаков.
Вдруг из балки за тройкой сквозь серую муть
Молча кинулась стая волков.
Кони дико всхрапнули, всем телом дрожая,
Ошалев, понеслись в темноту.
У возницы по коже мороз пробежал,
Пересохло от страха во рту.
И надрывно крича перекошенным ртом:
«Выносите, родимые! Ну-у-у»,
Сыромятным плетеным ямщицким кнутом
Что есть силы коней полоснул.
Коренник озверел от ударов бича.
Пристяжные рванули внамет.
Под копытами хрястнула наледь ручья,
Брызнул крошевом сколотый лед.
Тройка черною бурей - по целине,
Ветер иглами колет лицо.
Но все злее, упорнее, ближе, тесней
Волчья стая сжимает кольцо.
Дробь копытная. Храп запаленных коней.
Визг полозьев. Рычанье волков.
И почти у запяток летящих саней
Частокол желтоватых клыков.
Ни жилья, ни огня в этом мире пустом,
Только бешеный топот подков,
А ямщик вперекрест полосует кнутом
По оскаленным мордам волков.
И из самого сердца, из самой глубины
Вдруг прорвался отчаянный крик:
«О, Господь милосердный, услышь, подсоби!
Погибает несчастный ямщик!».
Видно эта молитва до Бога дошла.
Злая смерть ямщика обошла.
На последнем дыхании тройка взяла
Две последних версты до села.
Лишь возникший из мрака хозяйский сенник

Оборвал этот бешенный бег,
И тогда вдруг тоскливо заржал коренник
И, как срубленный, рухнул на снег.
Он неистойвой гонке все силы отдал.
Он сумел от погони уйти.
И теперь умирает... Ямщик зарыдал,
Повторяя: «Родимый, прости».

РАСПУТИЦА

С утра хрустел ледок под каблуками,
Лизало солнце ноздреватый снег,
С полудня - тучи серыми быками
В небесном поле начали свой бег.
Как быстро все меняется в природе.
Морозно. Воздух звонок, как струна,
Вдруг снежный вихрь в диком хороводе
Заголосит и снова тишина.
Растопит солнце рыхлые сугробы,
Глядишь - опять затянет небо хмарь,
Разверзнется бездонная утроба,
Повалит снег.. и вот она - зима.
А то распустит, развезет дороги,
Грязища - ни проехать, ни пройти,
И мы, с трудом передвигая ноги,
Плетемся по раскисшему пути.
Мы месим грязь, бредем, не зная сами,
Куда идем? Что будет впереди?
А солнце где-то там за облаками.
Куда бредем? Попробуй разгляди.
Неторопливо тащим воз свой тяжкий,
Зарю сменяет новая заря,
Мы терпеливы, как волы в упряжке,
Дай Бог, чтобы терпели мы не зря.
А впереди - то вдруг блеснет надежда,
То вновь погаснет, снова ночь темна.
И снова холод, но сильнее, чем прежде,
Нам хочется, чтобы пришла весна.

ТРОЙКА

Зимнее солнце прохладной ладошкой
Гладит хребты поседевших гольцов.
Где-то серебряным мелким горошком
Сыплет лихой перезвон бубенцов.
От горизонта по снежной дорожке,
Смаху взлетев на пологий курган,

Вынеслась, брызгая снежною крошкой,
Тройка шальная, гнедой ураган.
Посвист разбойничий рвет перепонки,
Взвизги полозьев летящих саней,
Дикий азарт упоительной гонки.
Яростный храп распаленных коней.
Не удержать их, чертей долгогривых
Стонут постромки и петли гужей;
Ветер, застрявший во вздыбленных гривах,
Лихо играет на струнах вожжей.
Дюжий ямщик, бородачи лопатой,
Крепко упершись в головки саней,
Скинув трех с шевелюры кудлатой,
Воплями «грабят!» пришпорил коней.
Прянули птицами кони шальные,
Саженым махом пошел коренной,
Справа и слева взвились пристяжные
Взвихрился снег, закрутил за спиной.
Кинулась под ноги лента дороги,
Пар, будто дым, из ноздней рысаков,
Быстро мелькают могучие ноги,
Падают молнии острых подков.
Миг - и растаяла в облаке снежном
Шалая тройка. И там, у гольцов,
Сказочным эхом, светло, безмятежно,
Долго звучал перезвон бубенцов.
Завороженно смотрел я на чудо.
Что это - счастье, а может беда?
Мчится оно, непонятно откуда,
И унеслось неизвестно куда.
Мне бы коней, да за счастьем в погоню.
Вырваться к свету, взлететь на гольцы.
Мчитесь быстрее, могучие кони!
Сыпьте серебряный звон, бубенцы!

ОЖИДАНИЕ

Сколько мы на земле ни живем
От седых глубин мироздания,
Мы все время чего-то ждем,
Наша жизнь - это зал ожидания.
Ждем конца трудового дня,
В ночь бессонную - утра раннего,
То, застывшее время кляня,
С нетерпением ждем свидания.
С беспокойством зарплаты ждем,
Ждем, от слухов впадая в протрацию,

Получили - и в лавку бегом,
Чтоб хоть так обогнать инфляцию.
Реформаторским зудом горя,
Жаждем бури, страстей извержения,
Ждем то гения, то царя,
И так же истово ждем их свержения.
То, воззрясь в небесную высь,
Ждем от Боженьки манну небесную,
Что когда-нибудь сладкая жизнь
Сменит горькую, неинтересную.
Ждем, что вскорости «к рынку» придем,
Строим планы великие, смелые.
Только видно, напрасно ждем,
Если все через ж... делаем.
Обрекая страну на позор,
Мы транжирим свое достояние.
И с надеждой глядим «за бугор»,
Ждем кредитов, как подаяния.
Покорившись лихой судьбе,
Проклинаючи жизнь корявую,
Ждем, боясь признаться себе,
Ту, с косою, старуху костлявую.
Смерть же, право не надо гадать,
Лишь от дерзких подальше держится,
Если ж просто сидеть и ждать,
То она в пути не задержится.
Так что лучше дружнее нажмем,
Да потянем из грязи Россиюшку,
Да не так, как всегда, а умом,
Да смекалкою, а не силушкой.

ЗА МАТУШКУ - РОССИЮ

Когда на Русь катился вал
Войны, разбоев и насилий,
Правитель войско поднимал
На бой за матушку-Россию.
А сам садился на коня
И шел войной на вражью силу,
Шел впереди, мечом звеня,
На бой за матушку-Россию.
Все просто, ясно, как в кино,
Пред ними вражеская сила,
А позади, за их спиной
Лежит великая Россия.
Сегодня все наоборот,
Когда вокруг бушуют страсти,

Друг друга взяли в оборот
Народом избранные власти.
Разгоряченный Президент
Грозит парламенту разгромом.
И этот грозный инцидент
До боли кажется знакомым.
Но съезд не хочет проиграть
И, помня про свои мандаты,
На исполнительскую рать
Пошли стеною депутаты.
И каждый твердо убежден,
Что он всеведущ и всемогущ,
И каждый верит в то, что он,
И только он спасет Россию.
Меж ними, как в кошмарном сне,
Как меж Харибдою и Сциллой,
В дыму, в грязи, в крови, в огне
Лежит та самая Россия.
А в ней измученный народ,
Уставший от экспериментов
И обнищавший от щедрот
Царей, генсеков, президентов.
И, если так дела пойдут,
То будет даже Бог бессилён
Сказать, куда нас приведут
«Бои» за матушку-Россию.

ПОСЛЕДНИЙ АВТОБУС

Последний автобус на улицах сонных
Спешит по маршруту. В салоне светло,
А там, за рядами квадратов оконных,
Расправила ночь вороное крыло.
А время бежит за минутой минута,
Намаявшись, город устало затих.
Последний автобус идет по маршруту,
Увозит он в ночь пассажиров своих.
Веселых и грустных, хмельных и уставших,
Увозит сквозь ночь в неизвестную даль.
И радость успевших и горечь отставших,
И чью-то разлуку, и чью-то печаль.
Он мчится сквозь ночь. Он один во Вселенной,
Не видя надеждою вспыхнувших глаз.
Не надо спешить. Ты ведь чей-то последний,
А может и просто единственный шанс.
Как жутко отстать на пустынной дороге.
Так дай же им шанс, пожалей и поверь.

В тебе их надежда, и страх, и тревога,
Открой же пред ними заветную дверь.
Возьми их с собой и больных и уставших,
Дай шанс до конца свои песни допеть.
Дай, Боже, и нам не остаться в отставших
И хоть на последний автобус успеть.

С НОВЫМ ГОДОМ, ДРУЗЬЯ!

Мороз и солнце, белый снег,
Деревья в инее, сугробы,
Все как всегда, но не для всех
Для нас грядущий год особый!
Что ждет нас в будущем году:
Иль в нашем смутном поколенье
Возобладеет русский дух,
Иль нас покроет смрадом тленья?
Или борясь с кромешной тьмой,
Пробьемся к свету из тоннеля,
Иль будем с нищенской сумой
Скитаться по миру без цели.
И все же думается мне -
Он станет переломным годом,
Прибавит сил родной стране
И мужества ее народу.
Я верю, что воспрянем мы:
Опять себя заужаем
И не согнутых и немых,
А полноценных нарожаем.
Я верю, что придет весна,
Весна великого народа.
Давайте же нальем вина
И всех поздравим с Новым годом!

Прости нас, Земля

ПРОСТИ НАС, ЗЕМЛЯ

В беспредельной степи серебрится ковыль,
Жарким воздухом дышит степная земля.
Налетел ветерок и цветочную пыль,
Подхватил и унес за моря, за поля.
Млеют в мареве знойном степные цветы,
Источая медовый густой аромат,
И стесняясь неброской своей красоты,
Васильковыми глазками в небо глядят.
А земля, истомленная зноем, лежит
И как будто зовет: «Человек, подожди,
Суету своих мелких забот отложи
И натруженным телом ко мне припади,
Чутким ухом к груди моей крепко прильни
И услышишь как сердце стучит в глубине,
Полной чашей из недр моих зачерпни
Доброй силы, что испокон бродит во мне».
Я упал на душистый ковер травяной,
Вольно руки раскинул, чтоб землю обнять.
Взбудоражил мне кровь ее запах хмельной
И наполнила сила земная меня.
Вдруг раздался глухой нарастающий гул,
Зародившийся где-то в земной глубине.
То не сил вулканических дикий разгул.
Это голос Земли, обращенный ко мне.
«Человек, сотни лет я кормила тебя,
Я поила тебя родниковой водой,
Теплой шубой лесов согревала тебя,
Я постель устилала травой молодой,
Я тебе подарила богатства свои,
Словно сына тебя от беды берегла.
Чем воздал, человек, ты за ласки мои?
Поднимись, посмотри на людские дела».
И открылася мне не ковыльная степь,
А пустынные мертвые села вдали

И карьерных отвалов угрюмая цепь -
Эти страшные шрамы на теле Земли,
Задыхаются в едком дыму города,
Сгинул лес, будто сожженный шквалом огня,
В мертвых реках зловонная плещет вода,
Видно Бог за грехи наши разум отнял.
Этот голос мне в самое сердце проник.
Закричал я, и крик мой унесся в поля:
- Боже праведный, разум нам грешным верни:
За безумие наше прости нас, Земля!».

МЫ ИДЕМ

Шагаем по земле к плечу плечом,
Сверкают гвозди на подметках кованых,
Как конская спина тугим бичом,
Дорогами земля исполосована.
Гноятся грязью свежие рубцы,
Иные уж асфальтом забинтованы,
А мы снуем по ним во все концы,
Бросаем и прохлестываем новые.
Мы вечно ищем в «кладовых земли»,
В ее утробе неустанно роемся,
Как будто нас когда-то завели,
И мы с тех пор никак не остановимся.
Мы потрошим ее, как мясники,
Все выгребаем, словно оголтелые.
И гулко долбят наши каблуки
Земную оболочку пустотелую.
Мы переводим лес на перегной.
Что не сгноили - продаем за дешево,
И шлепаем по лысине земной
Гуманитарной рубчатой подошвою.
Идем. Идем. Мы движемся к концу.
Пока еще от нас за дымкой скрытому.
И бьем ногами Землю по лицу,
Воронок черной оспою изрытому.
Она же с чувством боли и тоски
В слезах прикрыла очи воспаленные,
И этих слез ручьи и ручейки
Сливаются в моря горькосоленые.

МЕЧТА

У каждого в детстве бывает мечта,
Укрытая за облаками.

Мою называли по-шорски - «Мустаг»,
А мы называли Белками.
Проснувшись порой среди ночной тишины,
Я видел сквозь темные кроны
Залитые призрачным светом луны
Белесые горные склоны.
А утром, на зорьке, бежал за ручей
Смотреть, как встает из тумана
В спящей короне из ярких лучей
Крутое чело великана.
Казалось, могучие плечи гольца
Пробили земные твердыни.
И встал он, как вызов законам творца
В своей непомерной гордыне.
Неистовый ветер цыганским кнутом
Сечет непокорную спину,
Снегами, как белым гигантским холстом,
Метель накрывает вершину.
Не властны над ними ни года, ни века,
Неколебим он и вечен,
Как царственным белым плащом, облака
Ласкают могучие плечи.
Мечта одолеть поднебесную даль
Не проходила с годами.
Все больше хотелось подняться туда
И встать наравне с облаками.
Свершилось! Стою на вершине горы,
Безмолвный, как каменный идол...
Поверьте, что с той несравненной поры
Я зрелища краше не видел.
В распадке, меж голых скалистых ошин,
Как в добрых руках исполина,
В оправе из кедров, берез и осин
Укрылась от ветра долина.
А через долину стремился поток,
Сверкающий радужной пылью.
Вода, как живая, - отведай глоток,
Почувствуешь - выросли крылья.
Поодаль, как вздыбленный каменный бык,
Над черной лесистой кручей
Вонзил в небеса свои скалы «Сарлык»,
Угрюмый, косматый, могучий.
И всюду тайга, аж до края земли,
Как полы чудовищной шубы,
А где-то за краем, в туманной дали

Маячат кузнечки трубы.
Струится таежный хмельной аромат,
Туман фимиамом курится.
Как жаль, что ушли эти годы назад
И больше им не повториться.

ГОРНАЯ РЕЧКА

Юркая речка струится по склону,
Камешки моет живая вода,
Переливаясь с малиновым звоном,
И убегает в зеленую даль.
Светлые струйки, резвясь в хороводе,
Мчатся в долину сквозь солнечный бор,
Прыгают с камня на камень и вроде
Между собою ведут разговор.
Так бы и мчаться вперед по стремнине
Солнцу навстречу туда, на Восток,
Где-нибудь на необъятной равнине
Встретить могучий шумящий поток.
Нежно ласкаясь, прильнуть к великану,
Зная, что тягостный путь позади,
Неторопливо поплыть к океану,
Плавно качаясь на мощной груди.

ОСАДОК

Много рек на просторах Великой Руси.
Самых разных, великих и малых.
И шальных от избытка неистовых сил
И спокойных, как-будто усталых.
А текут они все не по телу земли
Прорезая течением сушу,
Бесконечным потоком они протекли
Через каждую русскую душу.
И все наши пороки, все наши грехи,
Как ручьи, в эти реки впадают,
Растворяются водами каждой реки,
Черной грязью на дне оседают.
Я по Кондоме в детстве часами бродил,
Бил баклуши, рыбачил, купался.
Вверх по речке на несколько верст уходил,
На плоту по теченью спускался.
Плыл. И плыли назад берега,
Ел горбушку душистого хлеба.
А вокруг по горам все тайга и тайга

А над ней высоченное небо.
Это время ушло, улетело, как сон.
И по манию дьявольской силы
Расползлись по тайге пятна лагерных зон,
Завизжали двуручные пилы.
По-бандитски кромсали столетний кедрач.
Отступила тайга вековая.
А над павшими кедрами стоны и плач -
Это ветер тайгу отпевает.
Как топор, над рекою нависла беда
Чахнет бедная, словно болеет.
И становится мертвой живая вода.
Гибнет Кондома, сохнет, мелеет.
От безлесья иссякли ручьи, родники,
Уж не плещутся в омутах рыбы,
А на самой стремнине, как злые клыки,
Обнажились огромные глыбы.
А река продолжает мучительный путь,
И в ее обмелевшие воды
С лысых гор низвергается желтая муть
И трудов человеческих отходы.
Кто поможет вам, реки, на скорбном пути?
Сколько долгих веков, или сроков,
Предстоит вам еще это бремя нести,
Бремя наших грехов и пороков?
Сколько бед принесут еще наши труды?
Сколько рек испоганим, осушим?
Дай Господь, чтоб в России хватило воды
Исцелить наши грешные души.

ГОРИТ СИБИРСКАЯ ТАЙГА

Горит сибирская тайга,
От дыма небо почернело,
А пепла черная пурга
На гарь сугробами осела.
Бушует ненасытный пал,
Беснуется голодным зверем.
Так в бурю океанский вал
Бросается на дикий берег.
Как порох полыхнул пихтач,
Фонтаны искр взметнуло ветром,
А шквал огня понесся вскачь
По старым просмоленным кедрам.
Бросая в панике жильё,

Под гнетом страха и угара,
Бежит таежное зверье,
Бежит, спасаясь от пожара.
Сквозь бурелом и по тропе,
Забыв инстинкты поколений,
В одной стремительной толпе
Бегут и волки и олени.
Ища спасенья в вышине,
Взлетают птицы, бросив гнезда,
Но, вспыхнув в бешеном огне,
Сгорают, падают, как звезды.
Огонь прошел, как страшный смерч,
По сопкам, падям и увалам.
И нет тайги, лишь тлен и смерть,
И пепел черным покрывалом.
Горит сибирская тайга,
И ужас заползает в душу,
Хоть страшно, что горит она,
Страшнее, что ее не тушат.
Нет сил в разваленной стране.
Глядит она в тупом бессилье,
Как гибнет золото в огне.
Горит тайга, горит Россия.

ЧЕРНАЯ РЕЧКА

Я знал уголок в горношорской тайге,
Где кедры, прямые, как свечки,
Стремительный хариус в темной воде
И мертвый поселок у речки.
Там сочные травы - мечта косарей,
В кедровниках звери и птицы,
Но мрачно зияют провалы дверей
И окон пустые глазницы.
Гадали мы, глядя на стены в пыли,
На старую русскую печку:
- Повеяло все или в город ушли?
Покинули Черную речку.
Мы часто шишкарить ходили туда,
И если, вдруг, ночь заставала,
По жерди взбирались на пыльный чердак,
В душистую тьму сеновала.
Уставшие насмерть от долгой ходьбы,
Мы все ж засыпали не сразу.
Под крышей заброшенной старой избы

Зловеще звучали рассказы:
О происках ведьм, о проделках чертей,
Играющих с путником в прятки,
Со страху казалось, что иглы когтей
Царапают голые пятки.
В полуночном небе светила луна,
Катилась по звездному кругу.
И мы погружались в объятия сна,
По-братски прижавшись друг к другу.
А утром - костер, над огнем - котелок,
Варили и ели картошку.
Уложены шишки в заплечный мешок,
Попили чайку на дорожку.
Как правило, трогались в путь на заре
И к ночи домой успевали...
А шишки варили в помятом ведре
И «по три на рупь» продавали.

ОХОТА

Лису вспугнул сползающий с бугра
Тяжелый смрад горелого бензина.
И вот уж час грохочущий «Буран»
Вращает ленты траковой резины.
И целый час, петляя по степи,
Бежит от смерти рыжая лисица.
А горло пересохшее хрипит,
Кровавый пот слепит ее глазницы,
Лисица выбивается из сил,
Пытаясь уцелеть в смертельной гонке,
А рев десятков «лошадиных сил»
Все ближе, злее рвется в перепонки.
Она бежит, неведомо куда,
И сердце разбивается о ребра,
А сзади напозаает, как удав,
Парализует волю взгляд недобрый.
Ах, только бы до леса дотянуть,
Нырнуть в непроходимые урманы,
Но тут ей снова преграждает путь
Нечистый дух ревущего «Бурана».
Все. Не уйти. Лиса упала в снег,
В глазах завеса красного тумана,
А за спиной скрипит злорадный смех
Владельца ненавистного «Бурана».
Тогда, внезапно повернув назад,
Она в полубезумном исступленьи
Собою плюнула в холодные глаза

И пулю приняла, как избавленье.

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЬ ГЛУХАРЯ

На лесной потаенной поляне,
Когда небо румянит заря,
В предрассветном весеннем тумане
Раздается призыв глухаря.
Вот и он, словно рыцарь, по кругу
Ходит, гордо любуясь собой,
Манит ласковой песней подругу
И соперников кличет на бой.
Преисполненный страсти и силы,
Каждым перышком трепеща,
Распуская широкие крылья,
Словно черные полы плаща.
Целый мир благодатный, чудесный,
Неоглядный таежный разлив
- Все вместилося в неистовой песне
Все впитал этот страстный призыв.
Пел глухарь в исступленье всесильном,
Пел глухарь, чтоб подругу увлечь.
Только вдруг по распластанным крыльям
Из тумана хлестнула картечь.
Не взлетев, пал он в снег у березы,
Окровавив подтаявший наст,
Брови, словно кровавые слезы,
Пламенели у меркнувших глаз.
На рассвете, в час тихий, прелестный,
Когда небо румянит заря,
Умерла вдохновенная песня
Лебединая песнь глухаря.

ДУБ

Могутен, сказочно велик
Шумит во поле дуб зеленый,
Прошил корнями пол-земли,
Закрыл корнями пол-неба мощной кроной.
В его разлапистых ветвях
Бессильно застревают тучи.
Небесный купол на плечах
Он держит, как атлант могучий.
Он странникам дает приют,
Заботливо укрыв от зноя,
В ветвях пичуги гнезда вьют,

С чужбины воротясь весною.
Над ним свирепствуют ветра
И польхают злые грозы
И полуденная жара,
Дожди и лютые морозы.
Над ним проносятся года,
Года сливаются в столетья,
Но он неколебим всегда:
И в мирный год и в лихолетье.
Дуб врос корнями в глуби земли,
Он силы черпает оттуда,
И сеть единую сплели
Их кровеносные сосуды.
Но, если жизненную сеть
Порвет однажды сила злая,
Завянет дуб, начнет хиреть
И, постепенно умирая,
Истлеет в прах и по земле
Развеет ветер великана.
А на земле на много лет
Останется большая рана.
Таков и русский наш мужик.
Он плоть земли, землю пахнет.
Покуда на земле - он жив.
Порвется связь с землей - зачахнет.

ДЕТИ КУКУШЕК

Ночь, но бессонно открыты глаза,
Тяжко с ресницы скатилась слеза,
Комкает угол простынки ручонка...
Кто же вы, жители Дома ребенка?
Тихо кругом. Над страной тишина.
Пушки не бьют, не грохочет война.
В семьи давно не несут похоронки.
Кто же вы, жители Дома ребенка?
Что за беда вас сюда привела?
Может чума матерей отняла?
Тети чужие читают вам сказки...
Кто же лишил вас родительской ласки?
Пусто в колодцах потухших зрачков,
В детских глазенках тоска стариков,
Не привлекают цветные игрушки...
Радость убили мамыши - «кукушки».
Сколько их бродит по нашей стране,

Совесь и стыд утопивших в вине.
Носят, рожают от «гона» до «гона»,
Нет на «кукушек» людского закона.
Сука своих не бросает щенков -
Этот закон и для стаи волков, -
Только отродье семьи человеческой
Детские души способно калечить.
Плохо убогому жить на земле,
Трудно слепому томиться во мгле,
Но безысходней страданий голодных
Горькая доля младенцев безродных.
Тяжкий свой крест пронесут до конца
Дети, не знавшие ласки отца.
Только на сердце останутся шрамы -
«Дар» от родившей и бросившей мамы.

МИНЗДРАВ ПРЕДУПРЕЖДАЕТ

Ответьте мне: вам страшно не бывает,
Когда с наклеек, со страниц газет
Взывает гриф: «Минздрав предупреждает...»
Пугает это вас иль, может, нет?
Меня же он, признаться, не пугает,
Могу вам на примере доказать.
Мне эти строки часто помогают
Опасных отравлений избежать.
Стою в мясном отделе гастронома,
Уперся в пустоту голодный взгляд,
Но тут Минздрав мне поспешил на помощь:
- Не огорчайся, мяс - это яд!
Спервая струхнул, мороз пошел по коже,
Но вдруг поновому взглянул на белый свет:
- Благодарю тебя Великий Боже,
Мне повезло, что в лавке мяса нет!
На радостях хочу напиться чаю...
Тут чайник свистнул: сахару-то нет!
Что сахар - яд, я вмиг припоминаю,
А чай, к тому же, портит кожи цвет.
Заныло сердце от избытка счастья,
В аптеку мчусь таблетки добывать...
Ура! Я снова избежал напасти!
Здесь, кроме грелок, нечего жевать!
Нет чуда - есть закон, вам это каждый скажет:
- Коли возник на что-то дефицит,
Или предмета вовсе нет в продаже,

Мы узнаем, что был он ядовит.
Мы знаем яд колбасный и медовый,
Конфетный, винный ... дальше целый ряд...
Еще кетовый был и осетровый,
Икрою звался самый страшный яд.
И вот, чтоб нам икрой не отравиться,
Чтоб сохранить и жизнь, и мирный труд,
Мы этот яд сплавляем за границу:
- Пусть жрут буржуи, может перемерут.
Теперь и я рискну воззвать к народу:
- Что там икра и прочий дерьмит...
Спешите надыхаться кислородом,
Он тоже скоро станет ядовит.

Я песни о тебе пою

МАМА, Я ХОЧУ К ТЕБЕ

Ночь. В углу скребется мышка,
Тени бродят по избе,
На кровать ползет сынишка:

- Мама, я хочу к тебе.

Прошептал и застайлся,

Молча носиком сопит,

Беспокойно завозился:

- Неужели мама спит?

Ночь во тьме поселок топит,

Ветер спит в печной трубе

Снова слышу тихий шепот:

- Мама, я хочу к тебе.

- Ну, ложись. Он вострепнулся

И в кровать ко мне нырнул,

Лег, калачиком свернулся

И счастливым сном уснул.

Спит сынок, спокойно дышит.

Я прижму его к себе,

Чтобы завтра вновь услышать:

- Мама, я хочу к тебе.

МОРЕ

Море. Уснуло все, лишь твой прибой не спит.

Море. Песок прибрежный под ногой скрипит.

Море. Дорожка света на твоей груди,

По ней меня к родному дому проведи.

Прошу, не подведи!

И пусть волна мне песни милой Родины поет,

И пусть она меня к родимым берегам несет,

И свежий ветер тугие наполняет паруса,

А за кормой чужого берега коса,

Чужие небеса.

Море. Вода иль слезы катят по лицу?

Море. Как долго путь к родимому крыльцу.

Море. Скажи, жива ль еще родная мать?
Узнает ли? Захочет ли узнать?
Сумеет ли понять?
Но пусть волна мне песни милой родины поет,
И пусть она меня к родимым берегам несет,
И свежий ветер тугие наполняет паруса,
А за кормой чужого берега коса,
Чужие небеса.

ПЕЧАЛЬНЫЙ БЛЮЗ

Над прозрачной водой с куполами медуз,
В изумруднолазурном тропическом зное
Вдохновенно звучал удивительный блюз,
Обволакивал душу щемящей тоскою,
В этом блюзе любовь и печаль, и тоска;
И несбывшийся сон, и напрасные грезы.
Звуки раненой птицей рвались в облака
И роняли на берег кровавые слезы.
Это горько рыдал полупьяный трубач,
Поверяя трубе безутешное горе,
Тихо плыл над водой этот горестный плач
И тонул в беспредельном лазурном просторе.
Он к губам воспаленным трубу прижимал,
Будто крест целовал с неподдельною мукой.
И дрожащей рукой ее стан обнимал,
Словно девичий стан перед вечной разлукой.
Трепетал над водою тоскующий блюз,
Будто лебедь страдал о подруге желанной,
А над чистой водой с куполами медуз
Горевал о любимой трубач полупьяный.

ВСТРЕЧА

В тот вечер танцы в вестибюле шли.
По кругу лихо пары проносились,
Вдруг две девчонки тихо в дверь вошли,
Вошли и у окна остановились.
Товарищ мой тихонько мне шепнул,
Чтоб пригласил на танец ту, что справа...
Я первым в вашу сторону шагнул,
Но влево повернул, а не направо.
Я шел к тебе, в твое лицо смотрел,
На брови тонкие в крутом изломе,
Смотрел в глаза - их свет мне сердце грел,
Как свет звезды на темном небосклоне.
Я до сих пор признателен судьбе

За этот шаг, за то, что в этот вечер
Она меня направила к тебе...
Поклон тебе судьба, за нашу встречу.
Благодарю судьбу я вновь и вновь
За то, что нас навек соединила,
В сердцах зажгла великую любовь
И счастьем в полной мере наделила.
Любимая, ты в жизнь мою вошла.
Как светлый луч, ты стала мне супругой,
Души своей тепло мне отдала
И на всю жизнь мне стала верным другом.
Взрослеют дети, нити серебра
У нас давно уж на висках блеснули,
Но до сих пор я помню, как вчера,
Те танцы в полутемном вестибюле.

ЧТО ТАКОЕ ЛЮБОВЬ

Что такое любовь? Это песня души,
Это целое небо в очах,
Это жар поцелуев в полночной тиши,
И тепло милых рук на плечах.
Что такое любовь? Это радости встреч,
Расставаний щемящая боль
И пьянящая голову сладкая речь
Или ревности едкая соль.
Что такое любовь? Это пламя в глазах,
Это в зимнюю стужу весна,
Безрассудная страсть без оглядки назад,
А весь мир - это он и она.
Что такое любовь? Это рядом сердца
В общем ритме стучат, как одно,
Это все пополам и вдвоем до конца
Или в рай, или в ад - все равно.

8-е МАРТА

Еще вчера мели метели,
И, может быть, завьюжит завтра,
Сегодня пусть звенят капели,
Сегодня - День 8-е Марта.
Возможно, день вчера был труден,
Бог знает, чем нас встретит «завтра»,
Сегодня улыбайтесь, люди,
Сегодня - День 8-е Марта.
О, женщины, как мы вас любим,
За вас поставим жизнь на карту,

Мы никогда вас не разлюбим,
Тем более 8-го Марта.
Вас любим ласковых и гневных,
За вас сражаемся азартно,
Вас обожаем повседневно
Тем более 8-го Марта.
Одни из нас уже в морщинах
Другим еще сидеть за партой,
Но все мы рыцари - мужчины,
Хотя бы в день 8-го Марта.
И даже жмот неисправимый
Потратит премию за квартал,
Чтоб подарить своей любимой
Букет цветов 8-го Марта.

ВАЛЬС ПРИ СВЕЧАХ

Бродят по стенам
Смутные тени,
Тускло горит на камине свеча.
Вы у камина
В кресле старинном.
В сердце томленье, во взоре печаль.
Смотрите в пламя,
А перед Вами
Брошен раскрытый семейный альбом
Смотрит со снимка юная Нимфа
В кружевах, как в мираже голубом
Белые платья, перчатки, вуали,
Блеск золотых эполет на плечах...
Ах, как легко Вы тогда танцевали,
Тот удивительный вальс при свечах.
Свечи сияли,
Вальсы звучали...
Вас пригласил черноусый корнет
В белых лосинах,
Юный, красивый.
Вы лишь смущенно кивнули в ответ.
Все кружится в зале,
перед глазами,
Кружатся тысячи ярких свечей.
Пальчики тонут в сильной ладони,
Голову кружит от страстных речей.
Белые платья, перчатки, вуали,
Блеск золотых эполет на плечах...

Ах, как легко Вы тогда танцевали,
Тот удивительный вальс при свечах.

Я ПЕСНИ О ТЕБЕ ПОЮ

Когда, проснувшись утром рано,
Являя нам красу свою,
Восходит солнце из тумана
Я песни о тебе пою.
Когда полночная прохлада
Доносит в комнату мою
И шорох трав и звон цикады,
Я песни о тебе пою.
Когда веселье до упаду,
Когда вино с друзьями пью,
Или один брожу по саду,
Я песни о тебе пою.
Иду по полевой дороге
Или по горным тропам бью
Свои натруженные ноги,
Я песни о тебе пою.
Когда в час грусти вспоминаю
Улыбку нежную твою,
Сам улыбаться начинаю
И песни о тебе пою.
Когда порой бывает больно,
Я понапрасну слез не лью.
Я говорю себе: «Довольно».
И песни о тебе пою.

Я ПРИДУ

На рассвете пойду босиком по зеленому лугу,
И раздевшись, в алмазную россыпь росы упаду.
Восходящему солнцу кивну, как хорошему другу.
И омывшись студеной росой, к тебе я приду.
Наклонюсь над ручьем родниковой живительной влаги,
Истомленными жаждой губами к нему припаду
И, почти захмелев, преисполненный юной отваги
И влюбленный, как в юности, снова к тебе я приду.
Я вином золотистым бокалы до края наполню
И букет алых роз на колени твои положу,
Все желанья твои я, как добрый волшебник, исполню,
О любви беспредельной я снова тебе расскажу.
Если нас разбросает по свету злой ветер разлуки,
Если где-то вдали под ударом судьбы упаду.
Ты меня позови, протяни свои нежные руки,

И тогда наяву иль во сне, но к тебе я приду.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Ласковое солнце, встань над полем чистым,
Зазвени, синичка, звоном серебристым,
От вина и песен в голове круженье,
У моей любимой нынче день рожденья.
Легкие снежинки, сотворите танец,
Пусть на сердце милой веселее станет.
Ветерок-гуляка, принеси удачу.
Пусть глаза любимой лишь от счастья плачут.
Пусть ее жилище полной чашей станет,
А тоска - кручина в сети не заманит.
Пусть живет счастливо, без беды и муки,
Чтоб жалели дети, обожали внуки.
Разыграйся, солнце, будто в день весенний.
У моей супруги нынче день рожденья.

РАДОСТЬ

Люблю цветущий яблоневоый сад
Я прихожу к нему в часы рассвета
И пью густой, пьянящий аромат,
Стекающий с душистых белых веток.
Я, запрокинув голову смотрю
Как солнце нежно высветило кроны
И, растопив рассветную зарю,
На них одело яркие короны.
В бездонном небе облака плывут,
Но кажется они стоят на месте,
А яблони, качаясь на плаву,
Уходят в океан со мною вместе.
Под тихий звон натянутых тросов,
Наперекор штормам, легко и смело,
Подняв громады белых парусов,
Плывут по океану каравеллы.
А я горланю песни, как шальной,
Они летят, разносятся по свету,
И кажется, весь мир поет со мной,
Спасибо, сад, тебе за радость эту!

МОЕЙ СУПРУГЕ

Мы с возрастом не кажемся моложе
И у тебя сегодня юбилей.
Возможно, взгляд твой стал чуть-чуть пострее

И ней в волосах чуть-чуть белей.
Не спорю, может это так, но все же
Нет в мире никого тебя милей,
Красивее, роднее и дороже.
Ты у меня одна на всей земле.
На юбилей слетелись внуки, дети
Погреться у родного очага.
Пришли к тебе, единственной на свете,
Обнять тебя, сказать как дорога
Твоя неповторимая улыбка,
Что мудрость материнская твоя
Для них опора в этой жизни зыбкой,
В туманных закоулках бытия.
Ну, улыбнись, родная, веселее.
Что за отрада в грусти о былом?
Взгляни, как в небесах заря алеет.
А вот и новый день взмахнул крылом.
Бог создал свет, луну и звезды создал,
Природу создал, красоту любя.
Но не нужны мне ни луна, ни звезды,
Поскольку мне Господь послал тебя.
Ты мне казалась золотою рыбкой.
В моих глазах ты та же, как тогда -
Красивая, с загадочной улыбкой.
Такой и оставайся навсегда.

ВИШНЯ ЗАЦВЕЛА

А на зорьке ранней
Вишня зацвела,
В белом одеянье
Под венец пошла.
Ветер осторожно
Колыхнул фату,
Чтоб не потревожить
Эту красоту.
Вот и солнце встало
Из-за тополей.
Громче зазвучала
Музыка шмелей.
Я примчался рано,
Бросив все дела,
И брожу, как пьяный, -
Вишня зацвела.

УТРО

Утро. Иду босиком без дороги
В мир под небесным шатром.
Росные травы ложатся под ноги.
Ярким душистым ковром.
Солнечный шар в золотой колеснице
Рыжие кони несут
Ярких лучей золоченые спицы
Искры роняют в росу.
Искры сверкают на каждой травинке,
Радуют, брызжут в глаза,
Словно рождаются в малой росинке
Чистый алмаз, как слеза.
В небо вписались спокойно и строго
Купол и крест золотой.
Выше, как перст всемогущего Бога,
Звонница церкви святой.
Запах настоя из меда и мяты,
Жаворонок в вышине...
Все так незыблемо, чисто и свято,
Близко и дорого мне.

ТУМАН

Погрузилась земля в снежно-белый провал,
Затопило округу туманное море.
Лишь горбатых плешивых холмов острова,
Сиротливо маячат в безбрежном просторе.
Провалился я в рыхлый туман, словно в снег,
И барахтаюсь в этом гиганском сугробе.
Я один в этой ватной густой тишине,
Глух и слеп, как дитя в материнской утробе.
Я бегу, я иду, я ползу сквозь туман,
Через эту безмолвную белую вьюгу,
А проклятый туман, словно крепкий аркан,
Не пускает на волю и гонит по кругу.
Мне порвать бы аркан, мне бы с круга сойти,
Отыскать бы в тумане прямую дорогу
И по ней сквозь туманное море пройти
И увидеть, что скрыто за белым порогом.
Может, встретит меня яркий солнечный свет,
На траве заиграет роса перламутром,
Или серую тенью сквозь узкий просвет
Мне забрезжит дождливое, хмурое утро.
Как он мне надоел, бесконечный туман
И бесцельная долгая гонка по кругу.

Разорвать бы скорей ненавистный аркан,
И - галопом к рассвету, сквозь темень и выюгу.

ПОД ПЕСНЮ КОЛЕС

Утро. В речке тихонько бормочет вода.
Вышло стадо на пойменный луг.
А вдали за рекою бегут поезда,
Раздается колес перестук.
Тихо. Ясно. В природе полнейший покой.
С неба льется лазоревый свет.
Почему ж я смотрю с непонятной тоской
Поездам пробегающим вслед?
Вечно манит меня незнакомая даль.
И так явственно чудится мне,
Что звенит подо мною колесная сталь
И вокзалы мелькают в окне.
Вижу горные речки прозрачнее слез
И небес голубую вуаль,
Бесконечный забор белоствольных берез,
А за ним неоглядную даль,
Снова горы и реки, и пекло пустынь,
Голубые разливы озер
И арктических льдов молчаливая стынь,
И мохнатый таежный ковер.
А вокзалы проносятся мимо окна.
Сколько их? Не берусь сосчитать.
Дни бегут, а за окнами та же страна -
- Необъятная матушка Русь.
Сколько жизненной силы ей Богом дано?
Рвут на части, кромсают ее,
Уж другая б рассыпалась прахом давно,
А Россия, как Феникс, встает.
Ей бы только хозяина с крепким умом,
Да пожить бы без распрей и ссор,
Поработать в охотку, а не под ярмом
И махнуть на широкий простор.
Да рвануться в галоп, а не мелкой трусцой,
Не по кругу, а только вперед,
Чтобы ветер свистел, освежая лицо,
Чтоб гордился Россией народ.
Чтобы счастье селилось на каждом дворе,
Средь задумчивых русских берез...
Что-то я размечтался на ранней заре,
Слыша дальнюю песню колес.

МОТЫЛЬКИ

День догорел оплывающей свечкой.
Звездами заткан небесный шатер.
На луговине за сонною речкой.
Вспыхнул в ночи одинокий костер.
Легкий дымок над огнем заметался,
Тьма, подступая, густела вокруг.
Лишь на душистой траве распластался
Желтый, неясно очерченный круг.
Выше и выше вздымается пламя.
С ближнего луга, от рощи, с реки
Яркими, крошечными лепестками
Дружно летят на огонь мотыльки.
Вьются над пламенем радужной пылью,
Чтобы остывшую кровь разогреть,
Чтобы сложить опаленные крылья,
Броситься в пламя и ярко сгореть.

ЗВЕЗДОЧКА НАДЕЖДЫ

Вечер гаснет. Птицы по ветвям расселись.
В бархат темно-синий небеса оделись.
А на темный бархат звездочка вспорхнула,
Золотистым глазом весело сверкнула.
Глянь в ночное небо - пустота и небыль.
Звездочка засветит - оживает небо.
Вроде бы - песчинка, да и свету мало,
А, гляди, блеснула, вот и тьма пропала.
И на светлый проблеск в бытие унылом
Отозвалось сердце, сладко защемило.
Встрепенулось птицей, застучало часто,
И душа запела в ожиданьи счастья.
Ведь душа, как небо, для всего открыта,
Коль тоскливо - плачет, тучами покрыта,
А сверкнет улыбка, звездочка засветит,
Запоет пичужка и душа ответит,
Распахнется настезь, полетит навстречу,
Утренней зарею обернется вечер.
Обрядится небо в светлые одежды.
Только бы не гасла звездочка надежды.

ОСЕНЬ

Отзвенели птичьим посвистом
Лета красного деньки.
Разлетелись листья по ветру.
Тянет холодом с реки.

Ветер носится взъерошенный
Средь берез и тополей
Русской пестрою дорожкой,
Стелет листья по земле.
Из-под елок струйкой звонкою
Бьют лесные родники,
И усыпаны опенками
Обомшелые пеньки.
Над осинками багряными
Тянут к югу журавли,
Гаснут крики их печальные
В неизведанной дали.
И под песни журавлинные
Слушал голос я в тиши
Красотою этой дивною
Очарованной души.
Сторона моя сибирская,
Мне мила твоя краса:
Реки, горы исполинские
И бескрайние леса...
Где найти слова заветные,
Чтоб воспеть всю эту ширь?
Чтобы в них на веки вечные
Ты жила, моя Сибирь.

НОЧЬ В ОСЕННЕМ САДУ

Ярко раскрасила ранняя осень
Липы в старинном саду,
Ива купает багрянные косы
В сонном заросшем пруду,
Словно глядится она
В сказочный смут без дна.
Где над водой паутиной повисла
Призрачная тишина.
В низко надвинутой огненной шапке
Спит заколдованный лес.
Светятся звезд золотистые шляпки
Вбитые в купол небес.
Тихо скользнула луна
В сказочный омут без дна,
Где над водой паутиной повисла
Призрачная тишина.
Влажно блестит от осенней прохлады
Ночи густая вауль,
А по аллеям старинного сада
Тихо струится печаль.

И утекает она
В сказочный омут без дна,
Где над водой паутиной повисла
Призрачная тишина.

БАБЬЕ ЛЕТО

Небо по-осеннему бледноголубое.
Потянулись птицы в теплые края.
Их прощальный оклик слышу над собою
И кричу вдогонку: "До весны, друзья!"
Что-то мне сегодня радостно и грустно.
Грустно оттого, что лес без птиц пустой.
Радостно - что кто-то широко и грустно
Разукрасил рощу краской золотой.
Кто-то вплел рябины в сетку паутины,
Жемчуга рассыпал в жухлую траву.
Желтый плащ накинул на земную спину.
В лужи опрокинул неба синеву.
Кто-то рассыпает золото по свету,
Раздувает в роще рябиновый пожар.
Это на прощанье дарит Бабье Лето
Запоздалой страсти неостывший жар.

ПЛАЧЕТ ЗА ОКНАМИ ОСЕНЬ

Неба осеннего просинь
канула в серую мглу.
Плачет за окнами осень,
слезы текут по стеклу.
В лужах фонтанчики скачут,
сник заболоченный луг.
Осень за окнами плачет,
слезы текут по стеклу.
Ветер небрежно разбросил
желтый ковер на крыльце,
Щедро разбавила осень
капельки слез на лице.
Грустны осенние грезы,
грустные песни пою,
Грустные мысли, как слезы,
падают в душу мою.
Льются осенние слезы,
а на бугре за окном
Мокро обвисли березы,
словно объятые сном.
Мокрая музыка эта
слышится мне до утра.

Где же ты, красное лето,
юности светлой пора?
Лето давно отзвенело
посвистами соловья,
Яркою свечкой сгорела
светлая юность моя.
Ветер бесстрастно уносит
годы за серую мглу.
Плачет за окнами осень.
Слезы бегут по стеклу.

В ОСЕННЕМ ЛЕСУ

Мерзлую землю выстелив
Коврами на тысячу верст,
Падают яркие листья
С поникших осин и берез
Сбросив одежду яркую,
Словно готовясь ко сну,
Лес погружается в вязкую
Плотную тишину.
Вдруг, как огонь рубиновый,
Радостный и озорной,
Выглянет куст калиновый
Из глубины лесной.
Глянет и сникнет обиженно,
Встреченный тишиной,
Словно шалун пристыженный,
Спрячется за сосной.
Тихо брожу я по лесу,
Ноги купая в листве,
Слушая полный горести,
Плач лебедей в синеве.
Гонят их в страны дальние
Ранние холода.
Сколько их, божьих странников,
Не долетит туда.
Многим им крылья быстрые
Сломит в пути ураган.
Многих уложат выстрелы
В какой-то из дальних стран.
И все же летит в страны дальние
Клин лебединых стай,
Чтобы весною раннею
Вернуться в родимый край.
Льется с небес мелодия -
Лета последний привет.
Скоро зима холодная
Белый проложит след.

Закружит метелица шалая,
Растреплет осенний ковер,
Тройкою разудалою
Вырвется на простор.
Шесть бесконечных месяцев
Будет природа дремать,
Покуда не перебесится,
Не выдохнется зима.
Тогда с половодьем и льдинами,
Свежая ото сна,
С песней лебединою
Пожалует к нам весна.
Ну, а пока что по лесу
Брожу, утопая в листве,
Слушаю полный горести
Плач лебедей в синеве.

РЯБИНА

Когда в душе тоска, когда один,
Осточертели каверзы погоды,
Гляжу на стайку тоненьких рябин,
Водящих у подъезда хороводы.
Знать не спроста в народе повелось,
Коль от трудов разламывает спину,
Иль сердце, вдруг, от горечи зашлось,
Мы напеваем «Тонкую рябину».
Слова о ней у русского в крови,
Как будто в них сокрыта мудрость жизни.
Для одного - в них память о любви,
А для другого - память об Отчизне.
Рябина, символ русской красоты,
Ты мне мила в любое время года!
Наверное, в порыве доброты
Ты для России создана природой.
Скажи мне, отчего тоска гнетет,
Тяжелым камнем на душу ложится?
Когда ж, весна над нами расцветет
И ранней птахой радость закружится?
Она в ответ кивает головой:
- Взгляни вокруг, порадуйся со мною.
Как манит небо яркой синевой!
Как пахнет талым снегом и весною!
И ввысь взметнув ветвей своих персты,
Она рванулась солнышку навстречу.
И, словно застыдившись наготы,
Зеленый плащ накинула на плечи.

РОЗОВЫЙ КУСТ

Сад по-осеннему жалок и пуст
Мерзнет от холода розовый куст.
Я его лапником теплым прикрою
И от мороза надежно укрою.
Куст, угрожая шипами, как еж,
Вызов бросает»: Меня не согнешь!
Как мне, привыкшему к свету и воле,
Долгую зиму томиться в неволе?».
Я упрекнул его: «Глупый ты мой.
Ты же погибнешь холодной зимой.
Жизнь - очень часто - суровая проза.
Не защищают шипы от мороза.
Лучше приляг поплотнее к земле.
Пусть тебе спится спокойно в тепле.
Пусть завывают метельные трубы
Ты не замерзнешь под снежную шубой.
Пусть тебе снятся весенние сны,
И не тревожься, дождешься весны.
С ласковым солнцем, с апрельской капелью
Я растворю твою зимнюю келью.
Кончится зимняя стужа - вставай,
Яркий зеленый наряд надевай,
Радуйся солнцу и новой одежде
И расцветай еще краше, чем прежде.

ВЕТКА РЯБИНЫ

Тонкая веточка красной рябины
Чьей-то рукою походя сорвана,
Алые ягоды, словно рубины,
Искрами прянули в разные стороны.
Или, как-будто на лист снежнобелый
Алые капельки с кисти художника
В снежную мягкость размашисто, смело
Брызнули крупным рубиновым дождиком
Так вызывающе ярко и броско
Рдели на солнце рябины горошины,
Будто не верили в то, что их бросят...
Так и застыли, снежком припорошены.

КАЛАЧЕВСКАЯ ЗАВОДЬ

Зимней ночью, в метельную заметь,
Как просвет в непростом бытие,
Снится мне калачевская заводь
И кувшинки в холодной курье.
Полдень. Воздух струится от зноя.

Гладь воды, разморенной теплом,
Словно чистый хрусталь подо мною.
Даже жаль прикоснуться веслом.
Глянул вниз - то ли явь, то ли небыль?
Показалось, что плот не плывет,
А парит между сушей и небом,
Как волшебный ковер-самолет.
Я плыву в дальний угол затона,
Где полощет косички ветла,
И с хрустальным малиновым звоном
Капли падают в воду с весла.
Там, над сказочно чистой протокой
Ветви талов сплелись в синеве,
И лучей золотые потоки
Льются в воду, скользя по листве.
Рассыпаясь на яркие искры,
Хороводом кружат в глубине
И песчаным ковром золотистым
Навсегда замирают на дне.
Зной над заводью... Дремлет на склонах
Зачарованный сказочный лес,
А над всем этим чудом бездонный,
Незадымленный купол небес.

ВОСПОМИНАНИЕ

Закрыли тучи небо синее,
Прожитых лет листву уж ветер откружил.
И седины печальным инеем
Виски безжалостно запылил.
Но где-то в памяти колышутся
Воспоминания былых счастливых дней,
Как будто звон хрустальный слышится
Беспечной юности весны моей.
И снова тучи раздвигаются.
И снова снятся мне цветные сны.
В уставшем сердце пробуждаются
Мечты прекрасные моей весны.

ВЕСНА

Запахло в воздухе весной,
Журчит водица под сугробами,
Река могучею стеной
Ледовый панцирь покоробила.
Еще пытается зима
Ночными пригрозить морозами,
Но видно чувствует сама:

Весну не задержать угрозами.
Весна сбивает на бегу
Хрусталь, под крышами развешенный,
И оставляет на снегу
Проталин черные проплешины.
И тут же по ее следам,
(На первый взгляд такие неженки,)
Не уступая холодам,
Встают нарядные подснежники.
Ах, эти первые цветы!
Ах, эти шалости весенние
Рождают светлые мечты
И поднимают настроение.
Спешите весна, лети скорей!
Мы так издерганы. Устали мы.
Так приласкай нас, обогрей,
Чтоб сердцем мы чуть-чуть оттаяли.

ОПЯТЬ ВЕСНА

Опять весна! Уже бегут ручьи,
Под коркой ледяной ворча сердито,
И черные крикливые грачи
Того гляди, пожалуют с визитом.
Все ласковее солнце с высоты
Заглядывает в каждое окошко,
А по ночам влюбленные коты
Дают концерты ошалевшим кошкам.
И все живое тянется к теплу,
Уже полны березы сладким соком,
А воробей, проказник, вор и плут
Спешит к подруге горделивым скоком.
О, Боже мой! А женщины весной!
Как бы родившись, вновь весенней ранью,
Чаруют бренный мир еще одной
Прелестною, неповторимой гранью.
Глаза полны небесной чистоты,
А на щеках румянец зорь весенних.
Пред этим фейерверком красоты
Мужчине впору преклонить колени.
И от души вам пожелать добра,
Любви и радости в грядущий праздник,
Чтобы не кончалась вешняя пора,
Чтоб неизменно были вы прекрасны.
Чтоб были вы любимыми всегда,
Чтоб вам при встречах руки целовали,
Чтоб вас не унижали никогда
И близких вам людей не убивали.

СВЕТ В ОКНЕ

Когда опустит ночь на землю покрывало,
Льет дождь и на земле клочка сухого нет,
Как важно, чтоб во тьме хоть что-то согривало.
Хоть искорка тепла, хотя бы свет в окне.
Мы суетно живем, хлопочем, добываем,
Беспомощно скользим по ледяной стене,
И в этой суете порою забываем,
Что где-то есть друзья и огонек в окне.
Когда в твоей душе лютует холод зимний,
Или цветет весна и тает грусти снег,
Ты вспомни обо мне, когда проходишь мимо.
И просто заходи, увидев свет в окне.
Коль сердце полоснет напрасная обида,
Покажется, что ты живешь в кошмарном сне.
Ты все-таки крепись, не подавая вида,
И заходи ко мне, увидев свет в окне.
А если вдруг судьба тебя загонит в угол,
Нежданная беда припрет тебя к стене.
Ты здесь всегда найдешь заботливого друга.
Ты просто заходи, увидев свет в окне.
Летит через года шальная колесница.
Чем дальше, тем трудней нам поспевать за ней.
Поэтому не жди, когда и что случится,
А просто заходи, увидев свет в окне.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

I. ШАХТЕРСКИЙ САМОРОДОК. Л. РЯБОВА	3
Шахтерский андеграунд. А. Ленский.	8
II. ДЕРЕВО ЖИЗНИ МОЕЙ	10
Что нужно человеку?	10
Экзамен.	10
Поезд.	11
Леониду Семеновичу Барбарашу.....	12
Бегут поезда.	13
В гостях у матери.	14
Старинная песня.	14
Внуки.	16
Моя теща.	16
Дерево жизни моей.	17
III. ПРОСТИТЕ НАС	19
Победная весна.	19
Возвращение Евгения Никонова.	19
Подвиг молчания.	21
Две вести.	22
Скорбь.	23
Воспоминания о Дне Победы.	24
Одинокая береза.	26
Русский солдат.	26
«Принцип Лойолы».	27
Ветер.	28
Пощечина.	28
Простите нас.	29
Наше поколение.	30
IV. О ЧЕМ ЗВЕНЯТ АФГАНСКИЕ МЕДАЛИ	32
О чем звенят афганские медали.	32
Расплата.	33
Твоя война.	34
V. ШАХТЕРЫ - ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ НАРОД	35
Идут геологи в маршрут.....	35
Шахтеры - замечательный народ.....	35
Рассказ новичка - шахтера.	36
Юбилей.	37
Диспетчер.	38
Потоп.	40
Шахтерская судьба.	40

Смерть шахтера.	41
Стоит стать шахтером.	42
День шахтерской славы.	43
Что ждет российского шахтера?	44
Главное дело.	45
УІ. ПАРАД СУВЕРЕНИТЕТОВ	46
Последний бой.	46
Земля рванулась из-под ног.	48
Лавина.	49
Парад суверенитетов.	50
Молитва беженки.	51
Вороны.	52
Власть.	52
Гибель 12-й заставы.	53
Неприкаянные.	55
Война.	55
Волки и охотники.	56
Нежданная война.	57
Надежда.	58
Дом сумасшедших.	59
Орел.	60
Не важно какой у державы герб.	61
Выбор.	62
За что тебя, Россия, Бог карает?	63
УІІ. ТЫ МОЯ БОЛЬ И МЕЧТА	64
Я люблю Россию.	64
Память потомков.	64
В электричке.	65
Выход.	66
Мне Россия нравится.	67
Родина.	68
Владимиру Высоцкому.	68
Бизнес по-русски.	69
Молитва за Россию.	70
Русские мужики.	71
7 ноября.	72
Сон капитана.	73
Живи, Армия!	74
За железной дверью.	75
Они возвращаются.	76
Разговор с Нахимовым.	77
На краю.	78

Злоба.	78
Дым свободы.	79
Самоеды.	81
А в России зима.	81
Все на выборы!	82
Пир во время чумы.	83
Заложники.	84
Гроб "напрокат"	85
Письмо от внука.	86
Шагает праздник по стране.	87
Летучий голландец.	88
Слепой котенок.	89
Ценовое побоище.	90
Ночь.	90
Русский вопрос.	91
Учите русский, господа.	92
Чужой язык.	93
Кресты.	94
Бойцы перестройки.	94
Зачем?	95
Нищий.	96
А на диком Западе.	96
Страну меняют на харчи.	97
Бог не выдаст.	98
Путник.	99
Непутевый жокей.	100
Болото.	101
Сомненье.	102
Воздушный шар.	102
Крушение мечты.	103
Тройка.	104
Распутица.	105
Тройка.	105
Ожидание.	106
*За матушку - Россию.	107
Последний автобус.	108
С Новым годом, друзья!	109
УИИ. ПРОСТИ НАС, ЗЕМЛЯ	110
Прости нас, Земля.	110
Мы идем.	111
Мечта.	111
Горная речка.	113

Осадок.....	113
Горит сибирская тайга.....	114
Черная речка.....	115
Охота.....	116
Лебединая песнь глухаря.....	117
Дуб.....	117
Дети кукушек.....	118
Минздрав предупреждает.....	119
УІІІ. Я ПЕСНИ О ТЕБЕ ПОЮ.....	121
Мама, я хочу к тебе.....	121
Море.....	121
Печальный блюз.....	122
Встреча.....	122
Что такое любовь.....	123
8-е Марта.....	123
Вальс при свечах.....	124
Я песни о тебе пою.....	125
Я приду.....	125
День рождения.....	126
Радость.....	126
Моей супруге.....	126
Вишня зацвела.....	127
Утро.....	128
Туман.....	128
Под песню колес.....	129
Мотыльки.....	130
Звездочка надежды.....	130
Осень.....	130
Ночь в осеннем саду.....	131
Бабье лето.....	132
Плачет за окнами осень.....	132
В осеннем лесу.....	133
Рябина.....	134
Розовый куст.....	135
Ветка рябины.....	135
Калачевская заводь.....	135
Воспоминание.....	136
Весна.....	136
Опять весна!.....	137
Свет в окне.....	138

Александр Курицын
«ДУМЫ О РОССИИ»

Литературно-художественное издание
Редактор и составитель - Л.В. Рябова
Художник - Н.Я. Козленко
Корректор - Л.В. Рябова

Спонсор АОТ «Беловоуголь»:
Генеральный директор А.А. Сторожилов
Референт - Г.Н. Чернов
Оригинал - макет а/о "Беловский полиграфист"

ISBN 5-85471-012-9.

Сдано в набор 06.09.95 г. Подписано к печати 08.12.95 г. Формат 60x90/16. Бумага писчая. Гарнитура ж/р. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,5. Тираж 1000. Заказ 3419. Цена договорная.

А/о «Беловский полиграфист».
г. Белово, ул. Чкалова, 18.

18000p

